

МНЕ НУЖНО ОДНО *ЖЕЛАНИЕ*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алиса Бейкер

18+

Алиса Бейкер

Мне нужно одно желание

«Автор»

2025

Бейкер А.

Мне нужно одно желание / А. Бейкер — «Автор», 2025

Ирэн давно смирилась с тем, что ее жизнь — это тихое, серое существование на обочине. Она ненавидит свое отражение в зеркале, комплексует из-за лишнего веса и убеждена, что не заслуживает любви. Ее сердце принадлежит тому, кто никогда не ответит взаимностью, и она готова провести жизнь в одиночестве, лишь бы не столкнуться с новой болью. Но однажды, в порыве отчаяния, она загадывает желание на свое тридцатилетие — единственное, которое может перевернуть ее мир. И вдруг... он появляется. Адам — воплощение ее тайных фантазий: красивый, уверенный в себе, настойчивый. Он не принимает отказов, не понимает слова "нет" и настаивает на том, чтобы Ирэн наконец исполнила свое заветное желание. Но чем ближе он подбирается, тем сильнее она сопротивляется. Ведь как можно поверить в счастье, когда ты всю жизнь убеждена, что его не заслуживаешь? Это история о страхе любить, о силе желаний и о том, что иногда судьба дает второй шанс — нужно лишь найти смелость им воспользоваться.

© Бейкер А., 2025

© Автор, 2025

Алиса Бейкер

Мне нужно одно желание

Пролог

Очаровательная девчушка лет шести, с пухлыми щечками, сидела на полу своей комнаты и усердно рисовала простым карандашом на немного помятом листе бумаги. Она так старательно выводила линии, что даже закусил язык и боялась моргнуть, вдруг линия выйдет кривой. Русая челка все время лезла в глаза, поэтому она часто ее смахивала, но та упорно возвращалась обратно.

– Какой странный конь у тебя получается, Иришка, – низкий голос мужчины прорезал тишину комнаты. Отец девочки зашел в комнату, не вытаскивая руки из карманов треников. Щеки покраснели от выпитого алкоголя после работы, а из-под майки торчал пивной живот. Следом зашла пухлая женщина, недовольно уставившись на супруга.

– Сам ты конь, это принц! – огрызнулась девочка, не отрываясь от своего дела. Ира очень не любила, когда ее творчество не понимали, а это случалось часто, ведь рисовала девочка скверно даже для своего возраста.

– Не слушай папу, солнышко, он просто устал после работы и плохо видит, – мама присела рядом на корточки, глядя на лист, и тоже не увидела там силуэта принца. – Темно-серая клякса, немного вытянутая... Наверное, он очень высокий.

– Расскажи мне о нем. Откуда этот принц? – мать частенько проявляла интерес к художествам дочери, потому что была рада, что та проявляла интерес к творчеству. Ира наконец перестала рисовать и постучала карандашиком по губам:

– Он из Мрачного Королевства. Он очень высокий, потому что достает звезды с неба, всегда ходит в черном, потому что так принятого в Мрачном Королевстве, у него черные мягкие волосы и добрая улыбка. Это темный принц.

Родители переглянулись, прикидывая откуда их шестилетняя дочь могла такого нахвататься.

– Не слишком ли все мрачно, Ириш? – мягко предложила женщина, погладив ее по непослушным русым волосам. – Мы же недавно новые карандаши покупали, добавь цвета.

Девочка открыла рот, чтобы привести доводы, почему это глупая идея, но все-таки закрыла его и обдумала предложение. Затем молча поднялась, подтянув колготки, которые ей были велики, и, подойдя к столу, взяла с него небольшой набор цветных карандашей. Вообще-то там было только шесть цветов, но Ира очень дорожила им. Вернувшись к своему "рабочему месту", девочка достала зеленый карандаш и нарисовала два маленьких кружочка. Теперь стало понятно, что это голова и дорисованы были глаза. И все. Она убрала карандаш, аккуратно закрыв картонную упаковку, и, приподняв лист, довольная уставилась на результат.

– Вот это светфоры ты ему нарисовала! – хохотнул мужчина и вскоре получил тапком по ноге от своей жены:

– Дим, помолчи хоть немного.

Мужчина приподнял руки в знак капитуляции, а затем провел пальцами по губам, как бы закрывая рот на замок.

– Только глаза, милая? Можно же нарисовать траву, солнышко и например цветы в руках, которые он несет тебе. – женщина потянулась к коробке с карандашами, но Ира тут же перехватила ее и вскочила на ноги. Тут и мама подняла руки, показывая, что без ее ведома ничего рисовать не будет.

– В Мрачном Королевстве нет цветом, только тьма! Мне он таким нравится, я его люблю! Он придет и заберет меня к себе, мы поженимся и я стану принцессой! – и еще топнула ножкой для убедительности. В принципе такие заявления никого из родителей не удивили, она же ребенок и это вполне нормальные мечты для девочки ее возраста. Оба мягко улыбнулись, а затем отец семейства поднялся, почесав пальцами живот:

– Ладно, принцесса, я пойду в свою опочивальню. Оставляю вас с матушкой и вашими мечтами.

Он еще и поклонился, но чуть не завалился, пошатнувшись.

– Боже, Дим, иди уже, – недовольно проворчала женщина, отмахиваясь от него, как от надоедливой мухи. Отправив воздушный поцелуй, Дмитрий покинул детскую комнату – в это время можно было поймать интересный канал на стареньком телевизоре.

– Мам, что такое опочивальня? – спросила девочка, вызвав легкий смех у женщины, которая приподняла ее на руки, а затем положила на небольшую кровать.

– Когда-то давно так называли спальни. Но это слово не используется в наше время.

– Папа настолько старый, раз до сих пор его использует?

– Папа любит дурачиться, не бери в голову, – женщина склонилась и нежно коснулась губами лба девочки, а затем забрала рисунок у нее из рук и укрыла ее одеялом. Поднявшись с кровати, она положила рисунок на стол, а затем пошла прочь из комнаты, по дороге выключая свет.

– Мам, светильник! – тут же нервно пролепетала девочка, натягивая сильнее на себя одеяло.

Женщина легко хлопнула себя по лбу и, подойдя к небольшой тумбочке, включила светильник – ведь Ира боялась спать в полной темноте.

– Как ты будешь жить в Мрачном Королевстве, если боишься темноты? – спросила она с лукавой улыбкой, не ожидая логического ответа.

– Глупый вопрос, мам, – хмыкнула малышка, вновь стараясь казаться взрослее, чем она есть. Непонятно, от кого она взяла такую модель поведения, но появилась она совсем недавно.

– Мой принц всегда будет рядом и своей любовью осветит мне путь.

Глава 1.

– Вы механику делать собираетесь?

– Я сдох! На кой мы поперлись без хила?

– Если мы сейчас его не опрокинем, то он шотнет нас!

– Ир, у тебя ульта откатилась?

– Нет и откатиться только через минуту. – цыкнула я, напряженно смотря в монитор компьютера, пока в наушниках раздавались недовольные возгласы моей игровой гильдии. У меня была почти полночь, а у ребят раннее утро, но так как было воскресенье, мы решили пойти в данж в нашей любимой MMORPG. Но так как у Сони была подработка, а она хиллер, проще говоря лечащий персонаж, мы не могли пройти данж. Как будто бы зря собирались. И случилось то, чего я ожидала последние десять минут. Время на убийство босса вышло и нанеся массовый урон, все члены нашей группы погибли. Это был проигрыш.

– Ден, если ты так будешь танковать, то лучше сам пересаживайся на хиллера! Я постоянно урон ловлю! – Антон, как всегда, негодовал, когда мы проигрывали, но вины на себе никогда не признавал. Хотя, справедливости ради, он действительно хорошо играл и вливал в игру кучу денег, чтобы поднять свой урон.

– Ну извини, что я не могу донатить, как ты. У тебя слишком много урона, ты мой агро сбиваешь, – спокойно, но с ноткой недовольства ответил Ден. Пусть он был младше нас всех,

но оставался самым спокойным и никогда не разжигал конфликты, несмотря на все попытки Антона.

Тихо выдохнув, я посмотрела на часы. Мы слишком долго сидели, и голова уже побаливала от их криков. Я сняла очки и потерла пальцами глаза, давая им немного отдохнуть. Уже даже не вникая в стандартную перепалку, я думала, как бы вежливо попрощаться, когда услышала оповещение о личном сообщении в Discord. Даже не открывая глаза, я поняла, кто это, но все же надела очки обратно и увидела сообщение от Лехи: “Давай в лс”. Коротко и по делу, как всегда

Леха вышел из голосового канала молча, а я промямлила прощание, которое услышал только Кирилл, и тоже вышла. Через несколько секунд поступил звонок от Лехи. Я ответила, откинувшись на спинку компьютерного кресла.

– Дай угадаю: ты собиралась пойти почитать, а я изменил твои планы, – тихая усмешка в трубке была такой привычной.

С Лехой мы дружим уже больше шести лет. Познакомились, как ни странно, в другой онлайн-игре. Несмотря на четыре года разницы, я никогда ее не ощущала. Леха был простым, без понтов, и очень интересным собеседником. Если точнее – прекрасным слушателем.

– Юдин, я могу хоть сейчас сбросить звонок и пойти читать. Говори, что хотел, – в моем голосе звучало легкое раздражение, но оно было скорее наигранным. Иногда с этого парня нужно было сбивать спесь, иначе он слишком увлекался своими шутками.

– Опять фамильярничаешь, Романова? – его голос стал игривым. – Если тебе так нравится моя фамилия, я могу ее тебе подарить. А? Как тебе мой подкат?

Он рассмеялся, и я не смогла сдержать улыбку. Смех у Лехи был заразительным, но его слова вызвали легкую тревогу. Такие шутки он начал пускать в последний год. Да еще и частенько предлагал обменяться фотографиями – ведь мы же близкие друзья, даже подарки на Новый год и дни рождения друг другу отправляем.

Однако я категорически против. И у этого есть разумное объяснение. По словам Лехи, он невысокий и худой, хотя ест, как не в себя. Последние два года он посещает спортзал и стал жилистым – что, как он утверждает, ценят девушки, которые табунами вешаются ему на шею. Он часто рассказывает о своих любовных похождениях, но ни с одной из девушек не был в отношениях дольше трех месяцев. Скидывал мне фотки каждой – и все они словно сошли с обложки модного журнала: высокие, стройные, с безупречным макияжем и ухоженными волосами. Еще я знаю, что у Лехи зеленые глаза и светлые волосы. Не совсем мой типаж, но уверена – он тот еще красавчик.

А если говорить обо мне... Тут сразу становится понятно, почему я отказываюсь открывать свою внешность. Мой вес давно перевалил за восемьдесят килограмм. Кожа на лице вечно покрасневшая, нос широкий, зрение плохое – поэтому всегда в очках. Прибавьте ко всему этому ужасную лень и апатию. Сейчас на моей голове небрежный сальный пучок, а под штанами – давно не бритые ноги. Живу одна, работаю из дома, поэтому о таких мелочах, как уход за собой, давно перестала париться.

Моя подруга Амелия говорит, что у меня отвратительный вкус в одежде. Но я просто пытаюсь скрыть свою фигуру под толщей балахонов и свитшотов. Именно поэтому я никогда не обмениваюсь фотографиями. Ни с кем. Меня полностью устраивает наша дружба с Лехой такой, какая она есть. И он, к счастью, не давит на меня – за что я ему безмерно благодарна.

– Лех, ты дурак? – продолжала я вести себя раздраженно, хотя на самом деле была довольна нашей болтовне. – Я так понимаю, ты встречаешься с глухими девушками, иначе, слушая твои шутки, они бы бросали тебя на третий день.

Он гоготал во все горло, не обращая внимания на мои колкости.

– У тебя уже почти восемь утра. Иди спать. – наконец сказала я, пытаюсь звучать строго, хотя сама улыбалась.

– Скоро пойду, просто хочу кое-что еще сделать. Уж потерпи меня еще три минутки.

Такая большая разница во времени была связана с тем, что Леха из России, живет в Анапе, а меня жизнь занесла в Филадельфию очень давно. Мне было двенадцать, когда фирма предложила отцу высокую должность, но с условием переезда. Недолго думая, он согласился, и мы переехали всей семьей. Пришлось оперативно учить новый язык, вливаться в общество с другим менталитетом и помогать маме с Соней, ведь папа часто пропадал на работе, а у моей сестренки было слабенькое здоровье, и переезд дался ей очень тяжело. Но время шло, Соня окрепла, а когда мне исполнилось двадцать, отца опять перевели назад в Россию. Мне же очень не хотелось бросать учебу, к тому же я обрела здесь двух лучших друзей. С боем, но смогла добиться того, чтобы семья вернулась в Россию без меня. И вот уже почти десять лет я живу одна, снимаю однокомнатную квартиру, работаю, играю в игры и ненавижу свою жизнь.

– Ир, ты чего зависла? – мягкий голос Лехи вытянул меня из раздумий. У него был очень приятный голос, а я падкая на подобное. Устало потерев пальцами переносицу, хотела сказать что-нибудь язвительное, но в мою дверь позвонили. Неужели я так громко говорила, что соседи пришли жаловаться?

– Лех, ко мне кто-то ломится, погоди. – Я замыютила микрофон и поднялась с кресла, поправив широкую толстовку. Прошаркала до двери и, прежде чем открывать, посмотрела в глазок. С трудом подавив смехок, я поспешила открыть дверь, ведь за ней стояли Йен Сомерхолдер и Хью Джекман. Один держал торт с зажженной свечой, а другой смешно танцевал под тихую музыку из колонки. Да, вот такие привилегии у жителей Филадельфии: два известных актера поздравляют тебя с днем рождения, о котором я позабыла. Важное уточнение – это две сумасшедшие подруги в масках этих актеров.

– Вы полоумные, соседей перебудите, – с трудом подавляя смех, сказала я и оперлась плечом на дверной косяк, ожидая, пока кончится этот праздничный цирк.

– Задуй свечу и загадай желание! – воскликнул Хью на английском, продолжая тверкать своей прекрасной попкой у меня в подъезде. Закатив глаза, я поспешила задуть свечу, лишь бы они наконец уgomонились и зашли в квартиру.

– Подожди, наоборот же! – возмутился Йен и раздраженно цыкнул. – Сначала желание, потом уже задувать.

– Ой, я увлеклась, – выключив музыку, Хью стянул с себя картонную маску, и за ней показалось темненькое лицо одной из моих подруг. Она продолжала улыбаться во все тридцать два зуба – месяц назад она установила брекеты и очень этим гордилась.

– Я уже задула. Зайдите, а то соседи по шее настучат. От вас шума как от детей, – сказала я, впуская подруг в квартиру.

Они здесь всегда чувствовали себя как дома, даже слишком. Поэтому я не стала их провожать или что-то говорить, а просто пошла в свою комнату. Подойдя к компьютеру, не садясь, я надела наушники и включила звук:

– Лех, ко мне подруги пришли. Иди спи, поболтаем, когда я проснусь.

Я даже не дала ему ответить, как сбросила звонок и выключила компьютер. Не очень вежливо, но если я не потороплюсь, эти две полоумные разрушат мою кухню.

Прежде чем уйти, я посмотрела на рамку с рисунком, который нарисовала пару недель назад. С самого детства я каждый год рисую персонажа, которого выдумала, чтобы наблюдать, как с каждым годом улучшается мой навык. Конечно, первые рисунки были совсем смешные, но сейчас мой навык стал значительно лучше. Острые черты лица, густая черная шевелюра, нос с маленькой горбинкой и пронизательные зеленые глаза. Этот образ я ношу в своем сердце с детства – мой темный принц.

Когда смотрю на него, представляю голос Лехи. Он точно ему подходит.

Было бы стыдно посмотреть в глаза маленькой себе. Ведь принц так и остался рисунком, а я превратилась не в принцессу, а в жабу, как когда-то сказал мне мой бывший. Мы порвали пять лет назад – мой первый и последний парень. С тех пор на такие эксперименты я больше не решалась. Да и предложений особо не поступало.

– Ирэн, ты идешь? Я сделала чай! – звонкий голос Тиши вернул меня в реальность.

Развернувшись на носочках, я пошла на кухню, где одна подруга делала нам чай, а вторая сидела за столом и курила. Ненавижу эту ее привычку, но смирилась и прошу хотя бы открывать окно.

В Филадельфии мое данное родителями имя Ира превратилось в Ирэн. Я давно привыкла жить на две страны, поддерживая общение с друзьями и там, и там. Поэтому легко переключаясь между языками и обращениями. Но в глубине души я всегда остаюсь той девочкой, которая верила в сказки и рисовала своего принца.

– Амелия, ты только зашла, а уже дымишь как паровоз, – недовольно осудила я подругу и села напротив нее. Та лишь закатила глаза и продолжила кому-то быстро печатать своими наманикюренными пальчиками.

Амелия была не просто красивой – она была олицетворением слова красота. Ногти всегда идеальной формы и покрашенные, светлые крашенные волосы чистые и уложенные, на лице лишь легкий макияж, брови выщипанные, губы пухлые, носик маленький, фигура как у модели. Одним словом – идеал. Раньше она долго носила голубые линзы, но в итоге полюбила свои натуральные карие глаза. Хотела бы я хотя бы наполовину выглядеть как она.

– Что с волосами? На них можно пожарить бекон, – небрежно бросила она комментарий о моих грязных волосах.

Я просто показала ей средний палец. Знаю, что она делает это не со зла. Подруга частенько звала меня по магазинам или в салон, желая помочь поднять самооценку, но я всегда отказывалась. Ненавижу ходить по магазинам. Смотреть на красивые вещи, которые всегда шьют на стройняшек, и на бабкины балахоны для девушек моих форм. Столько раз я разочаровывалась в примерочной, потому что что-то не нашлось или я выглядела в этом как корова. В итоге теперь просто хватаю толстовки и футболки больших размеров, даже не меряя.

– У меня выходные, не выхожу из дома. Да и я забыла про день рождения, – сказала я, пожимая плечами.

– И меня этот факт поражает больше всего! – негодовала Тиша, ставя перед нами кружки с чаем. – Тридцать лет – это ведь такая дата! А самое главное, что загаданное желание в этот день имеет особую силу.

Есть люди, которые верят в астрологию, хиромантию, нумерологию и так далее. Вот Тиша похожа на них, только верит в сказочное исполнение желаний, прекрасную любовь и возможно даже магию. И кстати она единственная из нас кто вышел замуж. Это произошло два года назад, но видели мы его только на фотографии. Они не любят смешивать компании друзей, поэтому о нем мы знаем лишь то, что рассказала нам Тиша. Сама подруга была рождена от отца афроамериканца и матери шведки, поэтому имела темную кожу, но очень аккуратные черты лица. Тиша была гуру готовки и хорошего настроения, она всегда наша зажигалочка, даже в самые мрачные времена, но вот чувство юмора у нее своеобразное.

Отпив глоток несладкого фруктового чая, я спокойно наблюдала, как Тиша добавляет в свой напиток две ложки сахара, несмотря на то, что впереди нас ждал торт. Подруга ни в чем себе не отказывала и была ужасной сладкоежкой. Да и справедливости ради, с ее фигурой все было прекрасно. Единственная толстушка среди нас была я.

– Амелия, хватит сидеть в телефоне, у нас тут праздник вообще-то, – немного негодуя сказала Тиша и снова стала зажигать свечи, хотя мне уже не терпелось попробовать этот кулинарный шедевр. Я была уверена, что Тиша приготовила его сама.

Амелия подняла взгляд от телефона на подругу, и в нем читалось легкое раздражение, но все же она заблокировала мобильник и отложила его в сторону.

– Зачем ты опять свечи зажигаешь? – Тиша делала это с таким старанием, что вопрос вырвался сам собой, хотя ответ я уже знала.

– Ты не загадала желание! – воскликнула она. – Я же сказала, загаданное желание в тридцать лет имеет особую силу. И не спеши, загадай самое сокровенное. Уверю тебя, ты мне потом еще спасибо скажешь.

Подруга зажгла все свечи и уставилась на меня так, будто за загаданное желание ей капнет процент. Амелия тоже начала выжидающе смотреть, но скорее потому, что хотела урвать кусочек торта. Ко всем этим причудам Тиши она относилась так же скептически, как и я.

Тихо выдохнув, я перевела взгляд на торт. Сделаю вид, что загадала и задую, надо только лицо более загадочным сделать. У меня уже очень давно нет никаких желаний, с возрастом ты перестаешь мечтать и верить в чудо, а просто надеешься получить хорошую зарплату, чтобы тебе было чем питаться, что читать и чем заплатить за интернет. Но невольно я вспомнила о рисунке на моем рабочем столе, пора рисовать новый, как и каждый год. Думаю мои художественные навыки вновь стали лучше.

“Хочу стать счастливой” – вдруг пронеслось в моей голове и я приблизилась к торту – “Хочу стать сильной, перестать в себе сомневаться, найти любимое дело, найти человека, который полюбит меня просто за то, что я есть, хочу просыпаться и проживать этот день по настоящему. Хочу измениться”.

И я задула все свечи на торте.

Глава 2.

– Да я отработывала его возражения! Как я продам человеку то, что ему не нужно? Ирэн, я уже начинаю выгорать на этой работе, и мне кажется, что ты просто придираешься ко мне! – в наушниках дребезжит писклявый голос Ракель, менеджера из моей команды.

С трудом подавив раздражение, я поправляю очки и смотрю в монитор. Так как наша работа дистанционная, все встречи проходят по видеосвязи. Когда-то это меня смущало, но со временем я смирилась и привыкла. Сегодня пятница, миновала рабочая неделя после моего дня рождения, и, конечно, никакого чуда не произошло. Может, этому чуду нужно время, или оно работает по какому-то особому графику. А может, оно миновало меня за какие-то грехи, ведомые только ему. В любом случае жизнь не стала ярче ни на один тон.

Я прикладываю все усилия, чтобы не сорваться на эту глупую девчонку, которая второй месяц не выполняет плановые показатели, но считает, что все вокруг придираются к ней. Отведя взгляд в сторону, я слишком вымученно вздыхаю. На этой неделе было столько работы, что я даже не притрагивалась к рисованию. Да и вдохновения совсем нет. Леха с видом знатока заявляет, что это творческий кризис, а я считаю, что просто потеряла вкус к жизни. Поэтому не хочу делать даже то, что раньше приносило моральное удовлетворение. Я не бросаю только видеоигры, и то потому, что это означает оставить Леху и компанию. А к таким кардинальным переменам в жизни я точно не готова.

– Ирэн, ты меня вообще слушаешь? Я уволюсь! – снова этот писк выдергивает меня из депрессивных мыслей.

Я вновь перевожу взгляд на монитор и стараюсь добродушно улыбнуться:

– Ракель, я говорю все это не для того, чтобы придрататься, а для того, чтобы повысить твои показатели. Чем больше у тебя будет продаж, тем больше зарплату ты получишь. Ты пришла к нам два месяца назад, но даже не приблизилась к выполнению плана. Ты сухо разговариваешь, раздражаешься, когда клиенты возражают, и совсем не пытаешься повысить ценность продукта, а просто умоляешь их купить. Это звучит... – я пытаюсь подобрать мягкое слово,

чтобы не сказать "глупо" или "убого", – непрофессионально. Давай вместе подумаем, как улучшить твои показатели. Поработай по скрипту, послушай звонки других менеджеров.

– Я все это и так делаю! – тут же перебивает она меня очевидной ложью.

На самом деле мне проще было бы ее уволить. Она портит командные показатели, а соответственно, и мои. Но в этом месяце я уже уволила двоих, и сейчас любая продажа для меня ценна. Поэтому я готова терпеть выходки этой психической девицы, по крайней мере до тех пор, пока не кончится месяц.

Два года назад я повысилась с менеджера до тимлида. Это воодушевляло меня буквально первые два месяца, пока я не поняла, насколько это неблагоприятная работа. Несмотря на карьерный рост, зарабатывать я стала меньше, а проблем прибавилось. Наша компания продает онлайн-курсы по программированию, и когда я была менеджером, то находилась среди топов, потому что мои продажи всегда были высокие. А теперь мои показатели зависят от целой команды пубертатных подростков, у которых семь пятниц на неделе и свое очень ценное мнение.

– Да, конечно. Я верю, что ты очень стараешься, – говорю я, пытаюсь звучать убедительно. – Значит, нам надо пересмотреть твой подход. Давай я запишу тебя на встречу к тренеру. Он сыграет с тобой ролевки, и, думаю, ты узнаешь что-то новое для себя.

Нервно облизываю пересохшие губы, надеюсь, что она успокоится и согласится. Хоть мне и не нужно ее одобрение, чтобы отправить к тренеру по продажам, я все же хочу снизить градус напряжения и наладить контакт. Если сотрудники будут увольняться так рьяно, руководство решит, что это последствия моих действий, а не завышенных планов, которые они выставляют последние полгода.

– Ладно, давай попробуем, – все же соглашается Ракель, поджав свои и так тонкие губы.

Не могу сдержать легкую улыбку и снова нервно поправляю очки:

– Супер, я напишу тебе, когда будет встреча. А сейчас иди отдыхай.

Ракель махнула рукой и отключилась. Я откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза. Каждый месяц я думаю о том, чтобы уволиться, но, к сожалению, больше ничего делать не умею. Не думаю, что в другой компании будет как-то иначе. Как говорится, хорошо там, где нас нет. Да и к переменам я не очень-то решительна.

Взяв в руки телефон, открываю приложение доставки еды и начинаю выбирать, чем бы поужинать сегодня. Не скажу, что совсем не умею готовить, просто не люблю этим заниматься. Или, проще говоря, лень. Мой холодильник практически всегда пуст, но там всегда можно найти энергетики, молочные коктейли и мороженое. Не самое правильное питание для человека, который хотел бы похудеть, но с годами мне стало кристально пофиг.

Заказав пасту и салат, я поднимаюсь с кресла и шлепаю босиком к холодильнику, чтобы достать энергетик. У входной двери уже стоят три полных мусорных пакета – пора бы выбросить, но, пожалуй, отложу поход на завтра. Как раз собиралась поехать в книжный магазин, чтобы прикупить пару-тройку новинок. А еще Соня на днях обещала прислать новинки от русских авторов. Удобно иметь сестру в другой стране. Если повезет, когда-нибудь буду покупать и ее книги, и гордо хвастаться перед всеми, что это написала моя сестра. Но, к сожалению, она так же нерешительна, как и я. Хотя я аккуратно подталкиваю ее, да и вроде у нее в России есть какая-то боевая подруга, которая не дает ей расслабиться.

Мои подруги тоже замечательные, но, к моему счастью, им хватает чувства такта, чтобы не донимать меня. Все-таки ощущается разница менталитетов.

Услышав оповещение на телефоне, я понадеялась, что еда приехала, хотя не прошло и десяти минут. Но это было сообщение Лехи, что он скоро вернется домой со своего странного свидания. Причем слово “странное” он написал большими буквами. В груди появилось неприятное чувство, но я приложила все усилия, чтобы не думать о причинах этих ощущений. Раз Леха скоро придет, значит скоро пойдем играть.

Меня не смущает есть, когда мы играем вместе, ведь он частенько и сам так делает. Наверное у нас выстроился высокий уровень доверия, хотя такие вещи как отрывка все еще не допустимы в нашем общении. Кто знает, может, и это изменится.

Открыв баночку энергетика, я вернулась за компьютер, запуская Discord, а затем открыла ящик стола, достав оттуда лист и карандаши. Может удастся порисовать, пока я жду Леху. Смотрю на рисунок в рамке, затем на чистый лист.

Рисунок. Лист. Рисунок. Лист.

Едва касаюсь карандашом бумаги, но пальцы так и не двигаются. Неужели в тридцать лет муза покидает своего человека? Почему-то от мысли, что я нарушу многолетнюю традицию, мне становится не по себе. А может, меня покинул не вдохновение, а сам темный принц? Выдуманный персонаж ушел к другой маленькой девочке, которая еще способна мечтать.

Уверена, еще минута – и я бы полностью погрузилась в эти мрачные мысли, но на мониторе появился входящий звонок. Леха словно чувствует, когда он мне нужен. Хотя на самом деле это просто совпадение – он и так шел домой.

Надев наушники и поправив микрофон, я принимаю вызов, натягиваю улыбку. Хотя зачем? Мы общаемся все равно без камер. Но привычка остается – улыбаться, когда слышишь его голос.

– Ну рассказывай, Ромео, чем тебе не угодила бедная девушка? – спрашиваю я с усмешкой, убирая листы обратно в стол. Только глаза мозолят и портят настроение.

– Да че рассказывать? – Леха вздыхает. – Как минимум она выше меня, еще такие копыта нацепила, что я почувствовал себя рядом с ней школьником. Да еще и выглядит старше меня, намалевалась. А ей ведь двадцать.

Его негодование вызывает легкое раздражение и у меня.

– Лех, если ты выглядишь как прыщавый школьник в свои двадцать шесть, это не значит, что девушка виновата в том, что расцвела значительно раньше.

– Эй, я не прыщавый! – возмущается он, но про школьника промолчал. Я и сама знаю почему. Леха не раз жаловался, что выглядит моложе своих лет, что борода не растет и ростом невысок. Хотя он все же немного выше меня, и я считаю, что это очень удобный рост. Думаю, мы бы вполне комфортно смотрелись рядом.

В эту секунду мне захотелось ударить себя по лицу. Откуда вообще эти мысли? И ведь я знаю откуда. Просто продолжаю сама себя обманывать даже в собственной голове. А если точнее – делаю все, чтобы не влюбиться в Юдина.

– Извини, но мне не нравится, что ты судишь о девушке по ее внешности. Ты мой друг, но это низко.

– Это ты сейчас так мой рост подстебнула? – мрачно спрашивает он, но через секунду мы оба разразились смехом. Уверена, я сейчас гогочу как гиена, но мне все равно. Смех Лехи тоже не назвать произведением искусства – он еще и хрюкнул между делом. Но мне нравится даже это.

Несмотря на то, что я много читаю книг и немного фанатею от книжных мужчин, реальные вещи меня не напрягают. Как и козявки, пердеж, дырявые носки и многое другое, о чем не пишут про альфахей в романах.

– Ну правда, Лех, а что еще? – уже мягче спрашиваю я, взяв в руки карандаш и начав его крутить. И почему я начинаю нервничать? Я знаю, что Леха не оценивает людей исключительно по внешности, но точно знаю, что девочку-принцессу он выберет скорее, чем девочку-жабу.

– Она очень много говорила, совсем не умеет слушать, – продолжает он. – А еще она безумная фанатка этих BTS. Уверяю, большую часть нашего свидания я слушал о них. А еще она взяла себе только овощной салат, а потом волком смотрела в мою тарелку. Я-то не дурак, я взял мясо. И ведь шли за мой счет, мне не жалко было, пусть заказывала бы, что хочет. Но нет, вот это лживое показное питание как у птички меня раздражает.

– Ты когда-нибудь видел, как едят птицы?

– Ир, отстань, – отмахнулся друг. – В общем, это было наше первое и последнее свидание.

Я посмотрела на часы: у меня было шесть вечера, а значит, у Лехи уже два часа ночи. Разве плохие свидания заканчиваются так поздно?

– Тебе потребовался весь вечер и часть ночи, чтобы понять, что это не твой человек? – Мне не понравились нотки, проскользнувшие в моей интонации, и я очень надеялась, что Юдин достаточно слеп, чтобы их не заметить.

– Да нет, – он рассмеялся. – Мы с друзьями на пляж ходили. Миху в армию забирают, проводы устраивали.

Я не знаю, кто такой Миху, и всех его многочисленных друзей я в принципе не знаю. Но почему-то в глубине души порадовалась, что все это время Леха не проводил на свидании с той девицей. За что в очередной раз мне захотелось ударить саму себя.

– Давай позовем Соника и походим вдвоем пофармим, – предложил Леха, имея в виду мою сестру. Он давно прозвал ее так, потому что она всегда тараторит и очень суетливая, старается делать все быстро. Сначала кличка ее раздражала, а потом она просто смирилась.

Соня почти все свое время тратит на учебу, ведь родители надавили на нее и заставили пойти в медицинский. Хотя она всегда мечтала писать книги, но родители не верят, что этим можно заработать на жизнь. В чем-то они правы: творческие профессии уж очень надежные. Именно поэтому свои художества я оставила как хобби.

– Ну зови, раз уж ты с ней на связи, – я открыла приложение на телефоне и увидела, что доставка уже подъезжает. – Я пойду пока заберу доставку.

Замьютив микрофон, я сняла наушники и отправилась к двери, чтобы встретить курьера. Ждать пришлось недолго: уже через пару минут я держала пакет со своей едой. Взяв с кухни вилку, я села за стол, раскладывая контейнеры и отпивая из банки энергетик.

На экране я увидела, что к нашему звонку присоединилась Соня. Было приятно, что у нас с сестрой есть общее увлечение, хотя казалось, что мы так и останемся далеки друг от друга. Ведь разница в восемь лет довольно ощутима, к тому же, когда они уехали из Филадельфии, Соне было всего двенадцать. Но она всегда ко мне тянулась, поэтому наше общение было легко поддерживать и на расстоянии. Уверена, играть Соня начала из-за желания общаться со мной, а в итоге втянулась. И теперь она частенько ночи коротает с нами, по крайней мере на выходных стабильно.

Надев наушники, я слышала, как Соня своим мягким голосом, словно принцесса Диснея, рассказывала Лехе, как сегодня на учебе проходила практика в морге.

Моя сестра не только голосом, но и внешне была похожа на принцессу: маленькая, хрупкая, с детским лицом, большими и добрыми глазами. Может, и я бы так выглядела, если бы не превратилась в то, во что превратилась. Но при этом Соня была очень болезненным ребенком: у нее была астма и очень слабый иммунитет, тогда как мое здоровье всегда было крепким. Я даже не помню, когда болела последний раз.

Каждой досталось свое: Соне – красота, природное очарование, талант и харизма, мне – здоровье и...

Нужно присоединиться к диалогу, прямо сейчас, иначе я просто не выдержу.

– Расскажешь ему страшилки на ночь, а он потом спать не сможет, – сказала я с усмешкой, врываясь в умильный рассказ о вскрытых трупах.

– Иришка! – радостно воскликнула моя сестренка, и я не смогла сдержать улыбку умиления. Такая большая, а до сих пор радуется мне, как дитя. Нет чище и добрее существа на этой планете, чем моя сестра.

– Да да. Может мы уже пойдем играть? Меня хватит от силы на два часа, я этой ночью мало спал из-за рейда. – голос Лехи и правда звучал довольно вяло. Я до сих пор поражаюсь, что Леха, да и ребята из нашей гильдии частенько подстраиваются под мое время.

– Лешенька, может, пойдешь сейчас? Звучишь уж очень сонно, – ласково предложила Соня. Только она может так обращаться к Лехе. Сначала он бесился, ему это казалось недостаточно крутым, но со временем смирился и больше не ворчал. Хотя и одарил ее своим прозвищем.

– Соник, не мельтеши ерунды и принимай приглашение в пати, – отрезал Леха.

Я тихо усмехнулась, наблюдая на экране, как запускается игра. Надо было сразу поставить ее загружаться, но я совсем не подумала об этом. Намотав на вилку пасту, я пихнула ее в рот и даже прикрыла глаза от того, какая она нежная и приятная на вкус. По идее, я не должна даже дышать в сторону еды, но ничего не могу с собой поделать. Я очень люблю вкусную еду. Не обжираться, но за калориями никогда не слежу. Если я лишу себя и этой радости, то смело можно прыгать в окно.

– Романова старшая, ты долго еще заходить будешь? – проворчал Леха, а у меня как раз загрузилась игра, и я увидела, как летят приглашения о вступлении в группу.

– Да все, принимаю приглашение. Пошлите. – Я нажала на кнопку, и мой персонаж появился рядом с Лехой и Соней. – Ну что, идем фармить? – спросила я, отодвигая тарелку с едой в сторону. – Только без подколов про мою прокачку, Леха. Я и так знаю, что отстала...

Глава 3.

Я просыпаюсь от настойчивого звонка. Сначала хочу его проигнорировать, и звонивший сдается, сбрасывая вызов. Но почти сразу звонок раздается снова, и некогда любимая песня Леди Гаги становится раздражающе ненавистной.

Нашупав телефон на второй половине кровати, я вглядываюсь сонными глазами в экран. Амелия. Странно, обычно она тоже любит поспать подольше. Приняв звонок, подношу телефон к уху и хрипло отвечаю:

– Если у тебя не потоп или не горит дом, то я не понимаю, нафига ты мне звонишь в такую рань?

– Время десять, – невозмутимо отвечает Амелия.

– И давай будем честны, это нормальное время для нормальных людей. Не для нас, – бормочу я, чувствуя, как сон медленно отпускает.

Слышу тихую усмешку на той стороне и сажусь, пытаюсь разбудить свой мозг – есть риск, что я не запомню или не пойму, чего хочет от меня подруга.

– Я еще не ложилась, – признается она, и я слышу, как чиркает зажигалка. – В следующие выходные пойдем на свидание.

– Ого, – Амелия помогла мне проснуться намного быстрее. Я еще раз смотрю на экран, чтобы убедиться, что мне действительно звонит моя подруга, а затем снова подношу телефон к уху:

– Ты мне, конечно, тоже очень нравишься, но если честно, не настолько.

– Оставь тупые шутки для русских друзей, – отрезала Амелия. – Я говорю о групповом свидании. Будем мы с тобой, еще три девицы и пятеро парней. Никто там никого не знает, должно быть весело.

Однако рассказывает она мне все это равнодушным тоном. Издав какой-то отчаянный стон, провожу ладонью по лицу. Это не первая попытка Амелии найти мне кого-то. Я вроде и благодарна, а вроде и не нуждаюсь в этом, поэтому бешусь, что она лезет в мою личную жизнь. Да, ее у меня нет, но меня это устраивает. Последние отношения прекрасно показали, что мне это и не нужно.

– Нет, прости, я пас, – говорю я твердо. – Мне такое не подходит, да и в эти выходные я занята.

Врала я, конечно. По планам у меня было сегодня вынести мусор и сходить в книжный магазин, а весь вечер и завтрашний день были абсолютно свободны. Но я категорически не хочу идти на это свидание. Мне будет некомфортно, я буду хотеть домой.

– Врешь, – твердо сказала Амелия, и я даже не стала пытаться ее переубедить. – Но к моему счастью, я говорю о следующей субботе. И если ты сильно переживаешь, можешь много не говорить – ведь мы пойдем в караоке. Будешь петь.

– Еще лучше, Амелия, – вздохнула я. – Это топ одно из самых некомфортных мест для знакомств. Я не умею петь, и уверена, большинство из тех, кто там будет, тоже. Это ужасно. Умоляю, не заставляй меня!

– Ирэн, пора выбираться из своей скорлупы, – мягко, но настойчиво сказала Амелия. – Я знаю, что все это звучит страшно для тебя. Просто попробуй. Хотя бы пообещай подумать, пожалуйста.

Ее голос звучал настолько искренне, что я замолчала. Как человек, заботящийся о своем комфорте, я должна была просто отказаться. Но я слишком тронута тоном подруги – обычно она очень закрыта и скупа на эмоции. Нашупав на тумбочке очки, я надела их и встала с кровати:

– Хорошо, я обещаю подумать, но не обещаю, что пойду.

– Это уже огромный шаг, – ответила Амелия. – Подробности сообщу, когда ты примешь точное решение. А теперь я пошла отсыпаться. Пока.

Я успела лишь начать прощаться, как она уже бросила трубку. Не очень-то красиво, но так похоже на Амелию Флоренс. Я к этому привыкла и даже не думаю обижаться. Тем более, она точно вернулась со своей сомнительной работы, поэтому и не спала всю ночь.

Амелия работает в эскорте последние четыре года. Она не предоставляет интимные услуги, а просто сопровождает богатых мужчин на встречах – ведь она достаточно красива, чтобы подчеркнуть успех любого толстосума. Хотя родители Амелии очень богаты, она давно порвала с ними все связи. Точных подробностей я не знаю – подруга не любит об этом говорить, но там точно что-то связано с нежеланным браком и работой. Я не осуждаю ее: она нашла способ красиво жить и ни в чем себе не отказывать. Если мужчины готовы платить деньги просто за ее общество, то это они глупцы, а она – гений. За такую "экзотику", как я, точно никто бы не заплатил.

Пройдя к холодильнику, я достала банку энергетика и, открыв ее, сделала пару охлаждающих глотков. Нужно было принять душ и собраться, чтобы побыстрее закончить с моими планами. Несмотря на то, что сейчас конец мая, на улице уже было довольно жарко. Не люблю такую погоду – это означает, что нужно одеться полегче, а я предпочитаю толстовки и все, что скроет мою фигуру. Но выбирать не приходится, если я не хочу свариться.

Сборы не заняли много времени – я не крашусь, не делаю укладки. Большую часть времени заняла сушка волос, и то, что я помыла голову, уже достижение. Можно сказать, делаю миру одолжение, что выхожу в свет опрятной. Хотя миру, скорее всего, плевать.

Надев широкую футболку и джинсы, я закинула на плечо рюкзак и покинула свою "крепость". Находиться в стенах своей квартиры мне куда спокойнее, чем на улице. Но увы, мир устроен так, что иногда приходится выбираться из дома. Однако уже в лифте вспомнила, что забыла прихватить мусор, и пришлось возвращаться – до следующих выходных его накопится слишком много.

Выбросив мусор, я добралась до метро, погрузившись в свои мысли. В ушах были наушники, но музыка не играла – это визуальный сигнал, чтобы меня не трогали и не обращались ко мне. Однако я предпочитаю слышать, что происходит вокруг, поэтому музыку не включаю. Амелия считает это странным, Тиша – гениальным, хотя сама так никогда не делает. Леха говорит, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

В метро было много людей – все-таки сегодня суббота, и на улице прекрасная погода. Большинство, наверное, отправляются гулять. Я предпочитаю стоять, держась за поручень, так как ехать мне всего две остановки. Сидеть с другими людьми мне некомфортно: начинаю думать, не много ли места занимаю, не дурно ли от меня пахнет и прочие тревожные мысли. Вот бы такие мысли приходили в голову мужчинам, которые сидят, раздвинув ноги на два места.

Добравшись до своей станции, я спешно покинула ее, сжимая лямку рюкзака. Всегда езжу именно сюда, так как торговый центр находится прямо у метро, а внутри него – большой книжный магазин. Люблю ходить по нему, разглядывать книги. Я всегда что-то покупаю, хотя иногда мечтаю скупить все. Но на моих книжных полках и так не осталось места, поэтому сейчас стараюсь покупать только те книги, на которые много хвалебных отзывов.

Раньше могла купить книгу просто за красивую обложку, но у этого есть свои минусы. Я прочитала столько дичи, что не сосчитать на пальцах рук. У меня есть тупой принцип: если начала читать, то дочитываю до конца. Такие книги стоят на самой нижней полке, чтобы не бросались в глаза. Увы, рука не поднимается выбросить их или продать – отношусь трепетно к своей коллекции, даже если там попадают неинтересные книги.

Моя любовь к книгам началась с "Сумеречной саги" Стефани Майер. Это было девятнадцать лет назад, когда мне было одиннадцать. Книга вышла в 2005 году, но в России перевод появился только в 2006-м. Сначала я не обратила на нее внимания – тогда чтение казалось мне скучным занятием, я отдавала предпочтение рисованию. Но когда подружки в школе начали обсуждать книгу, делясь на два лагеря – лагерь Эдварда и лагерь Джейкоба, мне стало любопытно. Просить родителей купить такую книгу было неловко, казалось, что она не по возрасту, поэтому я попросила одолжить у одной из девочек. И все – с того момента я пропала.

С нетерпением, как и многие, ждала выхода всего цикла, а потом стала часто ходить в библиотеку и книжный магазин, пока мы не переехали. Сначала пришлось взять паузу – я не знала языка, но позже вновь пристрастилась к книгам. И вот я снова здесь, ничего не меняется в моей жизни за эти годы. Сейчас я больше предпочитаю повседневные романы, хотя иногда, как сегодня, мой взгляд падает на фэнтези.

Поэтому сейчас я иду на кассу с двумя циклами: "Воздушный народ" Холли Блэк и "Жажда" Трейси Вульф. Это далеко не новые книги, но до этого момента я до них так и не добралась. Их расхваливают, и я все-таки не удержалась. Девять книг в сумме – именно поэтому я взяла с собой рюкзак. Но, надев его на спину, нацепив обе лямки, почувствовала тяжесть сегодняшней покупки. Ничего, ехать мне недолго, справлюсь. Еще бы дождаться посылки от Сони, и читая мне точно хватит на добрых два месяца. Если бы не работа и игры, то справилась бы с этим быстрее.

И вновь спуск в метро, но теперь с тяжелой ношей на спине. Может, в этот раз стоило бы сесть, но я решила твердо стоять на своих двоих. Перетерпеть две остановки, десятиминутный поход до дома – и можно еще неделю не выходить на улицу. Сдун челку с глаз, которая лезет в них даже через очки, ловлю себя на мысли, что пора бы сходить в парикмахерскую и подравнять ее. Помню, три года назад я попыталась сделать это сама, а потом радовалась, что работаю из дома и могу подождать, пока она отрастет. Парикмахер, к которой я хожу всегда, долго ворчала, что я подстриглась у какой-то шарлатанки, а я так и не решилась признаться, что эта шарлатанка – я сама.

Почувствовав вибрацию в кармане джинсов, достаю телефон и смотрю на экран. Леха спрашивает, проснулась ли я, и зовет играть. Знал бы он, что я уже давно на ногах, точно сказал бы что-нибудь язвительное. Отвечаю кратко, что можем поиграть через полчаса, и убираю телефон в карман. И только сейчас замечаю, что стою и улыбаюсь как дурочка. Ужасно, все ненужные симптомы на лицо. Я этого не хочу! Не хочу рушить нашу дружбу, не хочу даже

пытаться, ведь прекрасно знаю, чем это кончится. И задувай я свечи хоть на каждый свой день рождения, это ничего не изменило бы.

– Наконец-то я тебя нашел, – чье-то теплое дыхание обдало мою шею. Я немного поежилась, хотя у этого человека был очень приятный голос – ниже, чем у Лехи, но от этого не хуже. Видимо, за моей спиной воркует какая-то парочка, от чего у меня появилось легкое раздражение. Места в вагоне не так уж мало, можно свои нежности устраивать и не вплотную ко мне. Тихо выдохнув, успокаиваюсь: мне скоро выходить, пусть хоть переспят прямо в вагоне, мне уже будет все равно.

Но затем кто-то в наглую вытаскивает наушник из моего уха, и я уже мысленно представляю, какогреваю своим тяжелым рюкзаком этого человека по голове. Я ношу наушники, чтобы меня не трогали, ни о чем не спрашивали, а этот человек в наглую лишил меня моего барьера. Разворачиваюсь, чтобы высказать все, что о нем думаю, но застываю как статуя. Открываю рот, издаю какой-то невнятный писк и закрываю.

– Этот наушник сломан? В нем не играет музыка, – сказал с очаровательной улыбкой мой темный принц.

Глава 4.

Немного острые черты лица, густая черная шевелюра, нос с маленькой горбинкой и пронизательные зеленые глаза. Теперь прибавьте к этому внушительный рост, ямочки на щеках и родинку под левым глазом. Он словно вылез из моего рисунка, став еще более идеальным и живым, настоящим.

На нем была черная футболка и черные джинсы, что делало его кожу еще бледнее, а глаза – более выразительными. Он крутил в руках мой наушник, будто от этого в нем мог появиться звук. Я сразу заметила его длинные пальцы и красивые сильные руки, но заставила себя посмотреть ему в лицо, а затем отобрала наушник.

– Вы что себе позволяете? – наконец-то смогла дать адекватную реакцию на происходящее, хотя внутри меня бушевал ураган. Это совпадение достойно какой-нибудь романтической книги или дешевого сериала. Я чувствовала, как начинаю нервничать. В метро словно стало меньше воздуха из-за духоты, но понимала, что сама извожу себя круговоротом мыслей. Ведь так не бывает! Он не просто похож – он именно тот самый принц с моего рисунка.

– Ты не слышала меня, когда я с тобой заговорил, – сказал он. – Увидел наушники и понял, что ты не слышишь меня из-за музыки. Вернее, я так подумал тогда, но сейчас понимаю, что ты просто проигнорировала меня. Почему?

Черт, я залипла, слушая этот прекрасный голос. Влейте мне его в уши побольше! Но моим спасением стала моя станция, поэтому я не удостоила принца ответом и пулей вылетела из вагона метро. Сжимая лямки рюкзака крепче, пошла так быстро, насколько мои ноги были способны. Сердце в груди билось так сильно, что казалось, оно пробьет мою грудную клетку насквозь и понесется искать того незнакомца. Не хочу больше в мыслях называть его моим принцем, а то точно поеду кукухой.

Вырвавшись из душного метро, я полной грудью вдохнула свежего воздуха, стараясь успокоить сердцебиение. Думаю, у меня разыгралось воображение, и он просто был очень похож. Разгляди я его получше, точно нашла бы больше отличий. Но это невежливо, да и я была слишком в шоке.

– Давай понесу рюкзак, он выглядит слишком тяжелым, – и снова этот голос раздался прямо над ухом. Я обернулась и поняла, что все это время он шел за мной. Преследователь? Маньяк? Или чья-то злая шутка? Но историю про темного принца знают только Амелия и Тиша. Если это их розыгрыш, им не жить.

– Ты кто такой? – выпалила я довольно грубо и сделала шаг ближе к нему. Хотелось выглядеть угрожающе, чтобы он передумал шутить надо мной, но с нашей разницей в росте я скорее выглядела как шпиц, лающий на мастифа.

– Адам, – легко и спокойно ответил он, чем в очередной раз выбил меня из колеи.

Первая мысль: Ему очень подходит это имя. Я никогда не давала имя темному принцу, оно просто не приходило мне на ум, а сейчас действительно казалось идеальным.

Вторая мысль была более негативной: Кажется, он и правда издевается надо мной.

– Я не спрашивала, как тебя зовут! – мои слова прозвучали резко, почти с плевком. – Я спросила, кто ты и зачем ты за мной ходишь, будто мы с тобой знакомы!

Мне, наверное, следовало бы убежать домой, но я и так бегаю не быстро, а с такой ношей устану через десять шагов. Да и не хотелось показывать ему, где я живу. Если только он уже не знает.

Его пальцы скользнули по черной шевелюре – на голове был такой бардак, словно он не знаком с расческой, но и это ему чертовски шло. Он – ходячий альфац, как из какого-нибудь популярного романа для подростков.

– Это сложно объяснить, – сказал он, глядя на меня с легкой улыбкой. – Я ищу тебя уже несколько дней, потому что должен тебе помочь.

– Помочь в чем? – мое сердце забилося чаще. – Не припомню, чтобы я выкладывала объявление с просьбой помочь мне.

– Помочь измениться. Стать счастливой.

От этих слов по моей коже пробежали неприятные мурашки. Я не говорила о загаданном желании ни одной живой душе. Кажется, к горлу подкатила тошнота, а ноги стали совсем ватными. Я пошатнулась, но он ловко перехватил меня за руку, не дав упасть.

Мне, наверное, следовало бы умилиться этому жесту – красавчик ищет меня и так любезно помогает. Но вместо этого меня будто окатили ледяной водой. Я отшатнулась от него, как от огня. Думаю, мое лицо сейчас выглядело диким и напуганным.

– Это не смешно! – мой голос дрогнул и захрипел, будто говорил кто-то другой. – Передай Амелии и Тише, что это очень тупая шутка. И больше не смей меня донимать, иначе я обращусь в полицию.

Не дожидаясь его ответа, развернулась и пошла домой так быстро, как только могли мои ноги. По шее скатилась капля пота, но не от жары – от того, что мне стало очень не по себе.

Тиша может сколько угодно говорить мне о чудесах, желаниях и всякой ерунде, но я в это никогда не поверю. Мне не пятнадцать, я взрослый человек, и всему необычному всегда можно найти объяснение. И в первую очередь я хочу позвонить подругам и высказать им все, что думаю об их "шутке".

Я услышала шаги за своей спиной и, обернувшись, поняла, что он продолжает идти за мной. Остановившись, резко закричала, чтобы привлечь внимание. Он что, не понимает, что я не хочу, чтобы он шел за мной? Внимание удалось привлечь, и он действительно остановился, растерянно глядя на меня, словно я какая-то полоумная.

– Ирэн, – как мягко и нежно он произнес мое имя, которое знать не должен.

– Они тебе и мое имя сказали? – мои руки сжались в кулаки. – Сколько они заплатили? Я перебыю эту цену, только оставь меня в покое.

Он помотал головой и опустил взгляд, будто растеряв свою бравладу. На секунду даже стало его жаль, но лишь на секунду – этот придуток преследует меня. Не хочу потом оказаться в новостях как девушка, которую расчленили и вынесли из дома.

– Ирэн, я правда не знаю, как лучше тебе все объяснить, – сказал он тихо. – Не знаю, о ком ты говоришь, но привело меня к тебе твое желание. Давай зайдем к тебе, и за чашкой чая я все расскажу.

– Я, по-твоему, совсем пустоголовая, чтобы впускать незнакомца в свой дом? – мои слова прозвучали резко. – Либо объясняйся сейчас, либо проваливай.

Отлично, я гордилась своей твердостью. Да, я читаю много милых и романтических романов, но это не значит, что буду поступать как героини этих книг. Реальная жизнь намного жестче.

– Хорошо, мы можем зайти в ближайшее кафе, – предложил он. – Думаю, разговор непростой, а у тебя тяжелый рюкзак. В кафе много людей. Так ведь не будет страшно?

Он вновь улыбнулся, показав свои потрясающие ямочки, но все равно вся эта затея дурно пахла. Я решительно помотала головой и, как обычно, нервно поправила очки на переносице:

– Нет, я в принципе не хочу это обсуждать. Пожалуйста, не иди за мной. Меня это пугает. Кто бы тебя ни послал, оставь эту затею, иначе я правда обращусь в полицию.

Он больше ничего не сказал. Улыбка сошла с его лица, словно побитый большой кот, а в зеленых глазах сквозила печаль и вина. Но я на это не куплюсь. Вновь разворачиваюсь и иду прочь, но теперь шагов не слышу – он наконец-то отстал.

Чувствую одновременно облегчение и горечь. Наверное, я хотела услышать его объяснения, ведь факт того, что о моем желании никто не знал, остается. Но я не хочу втягивать себя в какую-то сомнительную авантюру. И если подруги правда к этому причастны, не уверена, что смогу быстро их за это простить. Это слишком жестоко.

Вернувшись домой, я скидываю рюкзак и плюхаюсь на кровать, даже не думая о том, чтобы сначала переодеться. Ответы мне нужны куда сильнее, поэтому создаю конференц-звонок и начинаю звонить подругам. Амелия, скорее всего, еще спит, но сейчас мне плевать. Первой отвечает Тиша – вполне ожидаемо, она жаворонок и уже точно давно не спит.

– Привет, Ирэн. Что-то случилось? – вопрос прилетел в лоб, что неудивительно: конференц-звонок я создаю только тогда, когда происходит что-то важное. В ее голосе не слышно разоблачающих ноток, но беспокойство все равно проскальзывает.

— Амелия ответит, и я все расскажу, – мой ответ вышел сухим, но Тиша, кажется, не обращает на это внимания, соглашаясь дожидаться нашу подругу.

Проходит почти минута, прежде чем Амелия наконец отвечает, но в ее голосе сквозит недовольство:

– Надеюсь, причина звонка достаточно весомая. Ты же знаешь, что я сплю после работы.

– О, поверь, она очень весомая, – отвечаю я, сразу переходя в наступление. – Но я буду рада, если вы во всем сознаетесь сами, и мне не придется вас разоблачать.

– Черт. Как ты узнала? – выругалась Амелия, и я чуть не подавилась воздухом. Мне даже не пришлось давить – они сразу раскололись.

– А я говорила, что не стоит этого делать, – тихо произнесла Тиша. – Прости нас, Ирэн, это была общая идея. Но клянусь, я сомневалась.

– Нихрена ты не сомневалась, – возразила Амелия. – Говорила, что это крутая идея и может ее взбодрить.

Снова чирканье зажигалки. Я так нервничаю, что сама бы закурила сейчас, хотя никогда и не пробовала. Но остается самый важный вопрос:

– Но откуда вы узнали о желании? – мой голос звучит надломленно. Я чувствую себя уязвленной и голой, словно все мои мысли и переживания теперь написаны на лице. Я могу многое рассказать подругам, но не все. И это именно то переживание, которое хотела оставить в своей голове, поделившись им лишь с дурацкими свечками на торте.

Подруги не спешат отвечать, и я слышу их замешательство. В голове крутится одна мысль: Как они могли узнать?

– Ты прямо желала этого? Мы не знали, просто предположили, – первая нарушила тишину Тиша, и от ее растерянности мне стало как-то неловко. Мы же говорим об одном? Не хочу оказаться в той тупой книжной ситуации, когда я говорю об одном, а подруги – о другом.

– Если тебя это так сильно напрягает, я все могу отменить, – выдохнула Амелия, выпуская дым в динамик. – Ты обещала подумать, и поэтому я дала согласие. Даже если ты в итоге не решишься, то ничего страшного. Только не бесись.

Я поняла, что мы все-таки говорим о разных вещах. Гадство. Начинаю кусать губы – дурацкая привычка – и, поднявшись, прохожусь взад-вперед по комнате.

– Больше вы мне ни о чем не хотите рассказать?

И снова эта дурацкая тишина. Мне кажется, что она длится вечность, хотя на деле – несколько секунд.

– Я подумала, ты о групповом свидании, – наконец сказала Амелия. – Ирэн, что случилось?

А теперь тишину выдаю я. Они не стали бы врать до последнего и теперь явно взволнованы моим звонком и попыткой обвинения. Мне становится душно и тяжело дышать, поэтому я быстро нахожу пульт от кондиционера и включаю его, чтобы хоть немного освежиться и привести мысли в порядок. Стоит ли мне им рассказывать? А может и правда стоит обратиться в полицию? Он знает мое имя и станцию метро, на которой я живу. Но что я скажу? Я пересеклась один раз с типом, который что-то обо мне знает и хотел помочь? К русским и так относятся довольно осторожно.

– Ирэн, ты с нами? Расскажешь, что произошло? – залепетала Тиша и я понимаю, что если не поделюсь с ними, то сойду с ума от беспокойства. Сев обратно на кровать и глубоко вдохнув, я почувствовала как легкая паника отступает. Медленный выдох. Глубокий вдох. Выдох.

– А я говорила, что желания – это не ерунда! Оно сбылось, его появление – это чудо! – выпалила в трубку радостная Тиша, и мне захотелось застонать от отчаяния. Я хотела получить какой-то дельный совет, а не вопли о чудесах.

– Я не загадывала, чтобы мой рисунок ожил, – возразила я. – И я же сказала, может, он просто отдаленно похож. Я была в таком шоке, что теперь мне кажется, будто я все сама придумала.

– Но он знает твое имя и сказал, что искал тебя, чтобы исполнить твое желание, – поддержала меня Амелия. – Рандомные типы не подходят с такими подкатами. Ты уверена, что больше никому не говорила? Русским там своим, – она усмехнулась. – Извини, Тиша, но в теорию с чудесами я тоже не верю.

– Ой, да пожалуйста, – отмахнулась Тиша. – Можете не верить. Только факт есть факт. Этот парень – вылитый принц с твоего рисунка, и он появился, чтобы исполнить твое желание.

– Ага, мне нужно было не убежать от него, а запеть, – саркастически ответила я. – Наша песня стала бы едина, люди вокруг стали бы танцевать, а животные прибежали бы из леса. Тиша, я не из Диснея вылезла, а из России. Поверь, такого у нас точно нет. Давай лучше и дальше будем верить про медведей с балалайкой.

Обе подружки засмеялись, и это заставило улыбнуться и меня, немного расслабившись.

– С тем, как часто ты выходишь из дома, вряд ли ты вновь встретишь этого типа, – заметила Амелия, выдыхая табачный дым. – Так что выдохни.

Ощущение, что за наш разговор это уже вторая сигарета.

– Да, ты права, – согласилась я. – Я зря перенервничала. Но тогда вернемся к тому, о чем вы подумали изначально. Значит, это коллективное решение меня отправить на групповое свидание? Почему бы туда не пойти Тише вместо меня?

– Я замужем!

– Она замужем.

Они ответили одновременно, даже не задумавшись. И это довольно весомый аргумент, чтобы не идти на групповое свидание. Но и я не хочу идти, и банальное нежелание тоже должно быть весомым аргументом, но нет. Я сама частенько жалуюсь, что устала от одиночества, но это происходит во времена овуляции. Ничего не могу с собой поделать, но это быстро проходит. А девочки себе навывдумывали, что я волком вою день ото дня.

– Так... ты еще в процессе раздумий или это уже четкий отказ? – осторожно поинтересовалась Амелия. Я тихо выдохнула, потирая пальцами переносицу.

– Я еще думаю, не давите на меня. Как приму решение, обязательно сообщу. Все, спасибо за общение, но у меня дела.

— Это какие? – поинтересовалась Амелия. – Игры с русским красавчиком или погружение к книжным красавчикам?

Так послушать Амелию и можно подумать, что мне нужны только недоступные красавчики. Как говорится у кого чего болит.

– Все, пока! – твердо говорю я и сбрасываю звонок.

Откидываюсь назад на кровать и зажимаю глаза сильнее.

Десять. Его голос был низким и мягким, как бархат.

Девять. Он знал мое имя.

Восемь. У него были очень красивые глаза.

Семь. Ямочки на щеках выглядели очаровательно.

Шесть. Мне всегда казалось, что большая разница в росте некомфортна, но смотреть на него снизу вверх было очень притягательно.

Пять. Красивые руки, длинные пальцы – словно красивая статуя.

Четыре. В его взъерошенные волосы хотелось запустить пальцы.

Три. Его родинка под глазом...

Два. Он выглядел как мой принц.

Один.

Я открываю глаза.

Твою мать.

Глава 5.

– Антон, сбавь обороты. Ты опять агр у Дена сбиваешь, – недовольно ворчит Леха в моих наушниках, и я ловлю себя на мысли, что даже сейчас его голос звучит очень приятно.

Мы вновь закрываем данж, как и в любые другие выходные. Сегодня собрался весь стак, чему был очень рад Антон – думал, что так мы закроем быстрее, но вновь столкнулись с той же проблемой. Антон много донатит в игру, и его урон сильно поднялся. Конечно, с ним проще закрывать данжи, но его жнец перебивает агр нашего танка, и из-за этого босс начинает бегать по карте туда-сюда.

Мы с ребятами начинаем раздражаться, только Соня старается всех подбодрить, а Кирилл сидит молча, сосредоточившись на своей задаче – бить в спину. Но из-за дергающегося босса это усложняется.

– Я могу вообще уйти, – рявкает обиженно Антон, и я не удерживаюсь от закатывания глаз. Такой взрослый, а замашки – как у обиженного школьника.

– Не надо, Антош, – мягко вмешивается Соня. – У нас все получится, время еще есть, а большую часть жизни босса мы уже срезали.

И вот она, моя милая сестра. Хорошо, что она врывается в зарождающиеся конфликты и уничтожает их в зародыше. Ребята реже ссорятся, когда Соня с нами, будто боясь ее расстроить.

– Соник, дай хил, а потом возвращайся к Дену, – распоряжается Леха, и сестра незамедлительно отправляется исправлять ситуацию.

Вообще, команда у нас слаженная – каждый знает свое место. Именно поэтому мы больше никого в гильдию не набираем. Был неудачный опыт, когда решили расширяться: большинство забивало, а другие устраивали дебоши, будто мы не в игру играем, а решаем судьбы миров. Поэтому наша вторая и самая долгоживущая гильдия состоит только из нас шестерых.

Еще пять минут возни – и босс побежден, данж закрыт. Кризис миновал до следующих выходных.

– Надо бы Дена лучше приодеть, – предлагает Леха. – Давайте в следующие выходные посидим и чисто в его заточку пофармим.

Предложение справедливое: нам нужен танк, который сможет удерживать агр даже с уровнем дамага Антона. Но...

– Так-то мы собирались Соню одеть, – цыкает Антон. – У нее до сих пор самый слабый шмот из нас.

– Да я могу подождать, это не проблема, – тут же вмешивается Соня. Зная ее, если потребуется, она будет хоть в стартовых шмотках ходить, пока все не оденутся нормально.

– Я могу и сам пофармить на каникулах, но до этого больше месяца, – добавляет Ден.

Решение, скорее всего, останется за Антоном – он же нашу гильдию собрал.

– Не надо ничего откладывать, – неожиданно вмешивается Кирилл. – На этой неделе я с Соней похожу, а в выходные все вместе оденем Дена. У меня на следующей неделе смен меньше, так что это не проблема.

От нашего тихого Кирилла я не ожидала такого дельного предложения. Он хороший парень, всегда старается помочь, но обычно держится коллектива, чтобы быть менее заметным. Кирилл говорит редко, но всегда по делу.

– Спасибо, Кирь, – ласково отвечает Соня. – Споемся и решим, когда нам обоим будет удобно.

Спора не случилось – вторая победа за последние пять минут.

– Так, кто в доту пойдет? – тут же сменил тему Антон, и я скривилась, будто меня кто-то увидит. Да простят меня фанаты этой игры, но я так и не смогла ее оценить.

– Запускай! – оживляется Леха.

Думаю, Ден и Кирилл тоже пойдут с ними. Не играем в нее только я и Соня. Обе пытались, но так и не смогли полюбить. Не зря говорят: насильно мил не будешь.

– Я пошла читать. Давайте, до завтра, – говорю я, снимая наушники. Сидеть с ними просто так смысла не вижу. Игра помогла отвлечься от сегодняшнего происшествия, но стоило остаться наедине со своими мыслями, как перед глазами вновь всплывают эти зеленые глаза.

Что-то внутри меня кричит и просит, чтобы чудо и правда произошло, но мне тридцать лет, и я давно уяснила: чудес не бывает. Сняв очки, решаю дать глазам отдохнуть, хотя не очень люблю, когда перед глазами сплошная мазня. У родителей прекрасное зрение, а вот нам с Соней не повезло – у обеих дальновзоркость.

Расслабиться надолго не получилось: Леди Гага снова разрежала тишину в моей комнате. На экране высветилось слово "мама", видимо, Соня сказала, что мы перестали играть.

– Иришка, ну совсем звонить перестала, а я ведь жду, переживаю, – мама начинает с ходу, задавая сто вопросов на одном дыхании. – Как ты там? Как работа? У вас сейчас жарко, да? Я в интернете погоду посмотрела. Ты смотри не сгори там и пей больше воды.

Гиперактивность Сони от мамы – обе много говорят и не могут усидеть на месте. Мне всегда приятно услышать ее голос, но не знаю, как донести, что она может не переживать за свою взрослую дочь. К слову, я ей звонила три дня назад.

– Я нормально, мам. Работа прекрасно. Да, жарко, но дома под кондиционером прекрасно. Воду пью, – отвечаю, хотя на самом деле пью энергетики. Но ей это знать не нужно,

иначе нарвусь на длительную лекцию о вреде энергетиков, а следом пойдет лекция о сбалансированном питании.

И странно, она не задала ключевой вопрос.

– Как там Рэндалл? – вот он.

Последние полгода я вру, что у меня есть молодой человек, и моя замечательная сестра эту ложь поддерживает. Был период, когда мама сильно насела на меня: "Нельзя жить одной, жизнь создана для любви, семья – это смысл жизни" и так далее. И я не придумала ничего лучше, чем соврать. Над именем долго не парилась – тогда только прочитала трилогию Софи Анри, и главный персонаж запал мне в душу. Он стал моим "парнем". Весь из себя красавец, благородный, не обижает меня, не пьет и куча других положительных качеств. Рано или поздно сообщу, что мы расстались, и какое-то время меня не будут трогать. План гениальный.

– Все хорошо. Вот на следующие выходные пойдем в караоке. Он передавал вам всем привет, вчера ходили на прогулку, – ложь легко слетает с моих губ, и я не испытываю чувства стыда. Ведь эта ложь никому не вредит. Ее даже можно назвать ложью во благо: мама радуется и не делает мне мозги.

– Ой, как хорошо! – мама радостно восклицает. – Может, летом приедете в отпуск к нам? Очень уж хочу его увидеть. Да и могла бы уже сфотографировать его, хотя бы исподтишка.

– Ты же знаешь, он не любит фотографироваться, а делать это втихую некрасиво, – отвечаю я, мысленно умоляя сменить тему. – Насчет знакомства точно нет, еще рано. Вот когда я почувствую, что он тот самый, то точно привезу его. Наберись терпения.

Только бы не начался монолог о ценностях семьи и что детей надо рожать смолоду. Нет, мои родители классные, лучше их я не могу представить, но это словно базовые настройки всех родителей. Они все так сильно хотят внуков, но никто сидеть с ними потом не хочет. А я вообще живу за тридевять земель от них – увидят ребенка либо по видеосвязи, либо приезжая раз в год.

– Иришка, часики-то тикают, – начинает мама, и я мысленно стону: О нет. Чем я это заслужила? Где я согрешила? Слышала это буквально месяц назад. Не хочу выдумывать беременность – это явно осложнит мою ложь.

– Ань, где мой счастливый галстук? Я без него никуда не поеду, – вдруг раздается голос папы на заднем плане, и я понимаю, что он меня спас. Говорю же, мои родители замечательные.

– А куда папа на ночь глядя собирается? – спрашиваю я, хотя могла бы попрощаться и отпустить маму. Но стало интересно. Если у меня семь вечера, то у них уже три часа ночи. Для меня не удивительно, что родители в выходные засиделись, но поиск галстука, тем более счастливого, в это время суток удивил.

– У папы твоего командировка в Нью-Йорке. Уезжает от нас на пару недель. Вот на самолет собирается, – объясняет мама. – Вы бы с ним созвонились и встретились. Думаю, он найдет день, чтобы заехать к тебе.

– Ань, ты его специально спрятала? Вечно вот эти твои фокусы с исчезновением вещей! – папа возмущается, и я не удерживаюсь от смеха. Мама поддерживает мое веселье.

Папа вечно ничего не может найти, даже на самом видном месте, а потом говорит, что это мамины фокусы. Мои родители в браке уже тридцать лет, как и многие семьи того времени, поженились по залету. Но ни разу об этом не пожалели, потому что им комфортно друг с другом. Конечно, бывают ссоры и недопонимания, но они усвоили самый важный урок в жизни – при любой проблеме просто сесть и поговорить.

– Ладно, мы с ним созвонимся и договоримся, – обещаю я. – Иди, покажи ему фокус с появлением галстука. Люблю вас.

— Давай, Ириш. Не пропадай там, звони почаще. И передавай Рэндаллу привет. Пока-пока, – мама бросает в трубку целую серию воздушных поцелуев, а затем сбрасывает звонок.

И снова тишина. После общения с мамой на душе всегда тепло и хорошо. Нужно будет встретиться с папой – я приезжала к ним последний раз три года назад, и то только на выходные.

Надеваю обратно очки, выключаю компьютер и встаю с кресла – ведь я собиралась почитать. Пройдя до холодильника, достаю баночку холодного энергетика. В последнее время пью их слишком много, и мне правда стоит задуматься о том, чтобы сбавить обороты. Пусть на здоровье я и не жалею, но не раз видела в интернете случаи, как прихватывает резко и бесповоротно. Но пока не могу от них отказаться – нравится их вкус.

Беру с книжной полки первый томик из цикла Трейси Вульф и усаживаюсь в любимое кресло. Шесть книг, большинство из них выглядят довольно объемными, но для меня это как вызов. Если они окажутся такими же хорошими, как их расхваливают, то я быстро их "проглочу".

Я быстро углубляюсь в текст, отстраняясь от реального мира. Люблю погружаться в историю с головой, и проживание в одиночестве этому очень способствует. Конечно, начало довольно банальное: потеря родителей, переезд к другим родственникам – хотя меня удивило, что действие происходит на Аляске. А тут же встреча с загадочным красавчиком. Уверена, он вампир. При первой же встрече героев тянет друг к другу, и пусть они огрызаются, автор сразу обрисовывает и химию между ними, и магнетизм.

Но разве так бывает в реальной жизни? Это что-то вроде мистической любви с первого взгляда. Несмотря на то, что я читаю очень много романов, в реальной жизни остаюсь скептиком. У меня как будто бы состоялась сегодня самая странная судьбоносная встреча, но я была в ужасе. Я не думала ни о притяжении, и даже о том, как он красив – об этом я подумала потом. Но будь я героиней книги, наверное, я бы выслушала его, поверила в эту историю и, может, даже пригласила на чай. Но благо я умнее, и инстинкт самосохранения не дремлет.

Я прикрываю глаза и откидываю голову на спинку кресла, потому что поняла: читаю, но не понимаю, что. И дело не в книге – слог автора комфортный, читается легко. Дело в том, что не могу оставить это странное происшествие. Но теперь я ничего не смогу изменить, не смогу его спросить, что он имел в виду.

Может стоило согласиться на кафе? Ну вот, опять начинаю кусать губы. Слегка стучу уголком книги по лбу и, открыв глаза, вновь утыкаюсь в текст.

Поезд ушел, Ирэн.

Глава 6.

Я просыпаюсь от какого-то грохота на кухне. Шея затекла, потому что я заснула в кресле, а книга раскрытая лежит на мне. Не люблю засыпать в кресле, но засиделась допоздна. Попыталась нащупать очки на тумбочке, но почему-то не смогла их найти. Неужели упали? На всякий случай проверила их и на себе, и на кресле, но нигде не было. Без них чувствую себя беззащитной.

Я услышала шаги на кухне и вспомнила, что меня разбудил шум. Живу одна, домашних питомцев нет, поэтому от страха желудок тут же завязался в узел. Живу на девятом этаже, в окно ко мне никто не может залезть, а уличную дверь закрываю на все обороты. Еще и ключ всегда оставляю в замке в вертикальном положении, чтобы его никто не смог вытолкнуть. Может, это излишняя предосторожность, но, как говорил Леха, лучше перебдеть, чем недобдеть.

Прихватываю с собой книгу – ею можно как минимум оглушить незваного гостя. Лишь бы хватило сил и смелости. И зачем кому-то лезть ко мне? Ценностей нет, накопленные деньги храню на счете в банке, а для жертвы насилия я не подхожу по многим параметрам. Надеюсь, человек ошибся, извинится и полезет к другой жертве.

Я буквально на цыпочках крадусь на кухню и вижу темный размытый силуэт. Кто-то высокий, широкоплечий, явно крепкий. Тут надо что-то посерьезнее, чем книга. У меня под кроватью валяются гантели – четыре года назад была попытка привести себя в форму, не первая и не последняя, но стабильно провальная. Думаю сходить за одной, чтобы выбить зубы незнакомцу, а затем позвонить в полицию. Но меня останавливает знакомый голос:

– Ирэн, подожди.

Твою мать! Он все-таки проследил за мной и узнал, где я живу. Но вопрос остается открытым: как он попал ко мне в квартиру на девятый этаж? Если у него нет крыльев или моторчика, как у Карлсона, то он чертов скалолаз.

Мне стоит сорваться скорее к телефону, но я словно приросла к полу – ноги налились свинцом. Я так напряженно сжимаю книгу, что, кажется, оставлю на ней следы. Он неспешно подошел ко мне и мягко забрал из моих рук книгу, словно боится, что я сама себя двину ею – ему-то она точно не навредит.

Затем мужчина встает прямо передо мной и кладет свои руки на мои плечи. Я вздрагиваю, будто меня ударило током, и он тут же убирает руки от меня.

– Прости, я не хотел тебя напугать, – говорит он мягко. – Ты напряжена и напугана, хотел успокоить тебя.

– Конечно напугана! – мой голос предательски дрожит, выдавая страх.

– Через окно, – отвечает он так, словно это очевидно, а я задаю глупый вопрос.

– Я живу на девятом этаже, и мое окно было закрыто!

– В самом деле? Мне показалось, это было просто, – он пожимает плечами. – Может, поговорим о чем-то другом?

Из-за темноты и плохого зрения я совсем не могу разглядеть выражение его лица, но он явно издевается. Передо мной словно стоит тьма с двумя зелеными глазами, и мне очень страшно. Хочу обступить его, но он тоже делает шаг в сторону.

– Ирэн, знаю, это все выглядит странно. Но послушай меня. Я здесь, чтобы исполнить твое желание. Ты ведь этого хотела?

Я так отчаянно мотаю головой, будто это точно сможет его убедить. Интересно, если я закричу, соседи вызовут полицию? Наш район тихий, и в доме никогда не было шума. Думаю, это явно покажется людям странным, и они оперативно отреагируют. Или нет? Я видела много новостей о человеческом равнодушии. Не хочу стать жертвой этого.

– Как ты попал ко мне в квартиру? – снова спрашиваю я и делаю шаг назад, но упираюсь в дверь. Разве я ее закрывала? Я точно этого не делала!

– Через окно, я же сказал, – он вздыхает. – Ладно, может, для людей это не так просто. Но я не обычный человек, Ирэн. Обычные люди не появляются из-за задумой свечи.

Он шагнул ближе, и обеими руками уперся в дверь с двух сторон от моей головы. Я, кажется, даже затаила дыхание, словно это может его спровоцировать. Или от того, что внезапно начала видеть его четко. Он мягко улыбается, от него веет теплом и ранней весной. Мне хочется коснуться его ямочек на щеках и родинки, которая смотрится так очаровательно.

У меня тоже есть родинка под уголком губы, но она всегда была мне противна. А его почему-то вызывает у меня такой трепет.

Я как замороженная невесомо касаюсь пальцами его щеки, и он прикрывает глаза, позволяя мне это сделать. Хочу назвать его имя, но не могу вспомнить, хотя он называл его. Однако я точно помню, что это мой темный принц.

Он заберет меня в Мрачное Королевство? Сделает своей принцессой?

Внезапно я стала очень сильно этого хотеть. Медленно, словно боюсь, что он исчезнет, обхватываю руками его шею и тяну ближе к себе, чтобы он нагнулся. Мой принц так податлив – он упирается своим лбом в мой лоб и издает тихий смешок.

Боже, запишите мне это и поставьте на повтор! От этого звука внизу моего живота бабочки развязали войну и готовы вырваться на волю, потому что им слишком тесно там.

– Кто же ты такой? – шепотом спрашиваю я, прикрывая глаза. Такое внезапное спокойствие и умиротворение. Никогда еще ни с кем мне не было так хорошо. Он и правда чудо, явившееся спасти мою пустую жизнь. Он наполнит ее красками и смыслом. Сделает мое существование настоящей жизнью.

– Я вампир, Грейс, – отвечает он, и я тут же открываю глаза.

– Ты вампир... стоп. Что? – я опускаю руки и уставилась на него, пытаюсь понять: это шутка или внезапный твист в моей истории.

– Какой еще вампир? И я не Грейс, я... о-оох, черт.

Я открываю глаза, уставившись в потолок. Солнечный свет уже заливает мою комнату, а боль в шее более чем реальна. Ведь я и правда заснула в кресле с книгой, но ночного происшествия не было. И слава богу! Надо меньше читать перед сном.

Вложив в книгу закладку, я захлопываю ее и кладу на столик. На экране телефона вижу, что еще раннее утро, поэтому принимаю решение доспать. Кряхтя, поднимаюсь с кресла и направляюсь к своей удобной кровати.

Надеюсь, больше мне не приснится такой бред.

Леха: Играть пойдем?

Ирэн: Позже. У меня кончились энергетики, хочу пройтись до магазина.

Леха: А не проще заказать?

Ирэн: Мне до магазина идти пять минут. А доставку я буду ждать два часа.

Ирэн: Даже с моей ленью выбор очевиден.

Леха: Перестань писать с точкой, это выглядит грозно

Ирэн: Правильно, бойся. Напишу как вернусь.

Я откладываю телефон после небольшой переписки и, взяв резинку, собираю волосы в небрежный хвост. Голова уже не очень чистая, но мне слишком лень мыть ее для похода в магазин у дома. Достаточно того, что я переоделась, а не иду в домашней одежде. Хотя отличие не большое.

– Надо бы и мороженое купить, – говорю я вслух. Да, это моя личная шизофрения. Когда живешь так долго одна, волей-неволей начинаешь разговаривать сама с собой.

Пытаясь поправить челку, вспоминаю, что хотела бы подстричься. Но мне так лень идти, что откладываю это на следующие выходные. Будто мне есть перед кем красоваться, а на работе уже привыкли к моему неряшливому виду. Да и если честно, мне все равно, кто и что подумает.

Тихо усмехаюсь своей же лжи. На самом деле я безумно переживаю из-за мнения других людей, и это вечно не дает мне покоя. Например, избегаю объятий или каких-то контактов. Другие думают, что я не тактильный человек, а на самом деле переживаю, что кому-то будет просто неприятно меня касаться.

Закидываю на плечо рюкзак и покидаю квартиру. Несмотря на то, что на улице солнечно, дует прохладный ветер, поэтому не переживаю, что в джинсах мне будет жарко. Хочется улыбнуться солнечному дню и вообще всему миру, но я слишком угрюмый человек. Да и странное послевкусие ото сна до сих пор не отпускает меня. Реальность и книга перемешались, и получился какой-то бред. Я должна была уже давно отпустить и забыть, как завещала великая Эльза из "Холодного сердца", но почему-то не получалось.

– Привет, Ирэн, – раздается голос в моей голове. Ну вот, я уже проецирую его голос. Как я могла его так легко запомнить после одного не самого удачного диалога? Если расскажу девочкам, засмеют. Но если не выкину его из головы, то точно поеду кукухой.

– Эй, – чувствую, как на мое плечо ложится рука, и тут же оборачиваюсь. – Ты все время людей игнорируешь? Я же поздоровался.

Я продолжаю молча таращиться на него, пытаюсь понять: это продолжение сна или все-таки пора искать хорошего психиатра.

– Сегодня не будешь верещать как сирена? – спрашивает он с лукавой улыбкой.

Я тут же сдергиваю рюкзак с плеча и бью его. Но рюкзак пустой, поэтому удар получается совсем не убийственный. Зато он хоть отступил на шаг.

– Это уже третий раз! – нервно выпаливаю я, отчего он тихо усмехается. В его глазах блестят искорки озорства. – Ты меня преследуешь? Ты маньяк? Выбери себе жертву, которую ты сможешь поднять и унести!

– Я смогу тебя поднять и унести, – отвечает он с уверенной улыбкой.

Я чуть не задыхаюсь от возмущения, прижимаю к себе рюкзак и быстро иду дальше в магазин. Там будут люди, и он оставит меня в покое.

– Подожди, Ирэн, я пошутил. Постой, – он идет за мной и, кажется, смеется. Легко поравнялся со мной, а я уже запыхалась, но стараюсь не подавать виду.

– И кстати, почему третий? Я уверен, что второй, – добавляет он.

Теперь неловко становится мне за свои слова. Чувствую, как румянец заливает мои щеки, но пусть спишет на то, что я устала так торопливо идти под солнцем. Если буду его игнорировать, он отстанет?

Я уже подхожу к дверям магазина, как он словно стена вырастает передо мной, перекрывая проход. Дурацкое чувство дежавю накрывает меня с головой, и я сильнее прижимаю к себе рюкзак.

– Я правда так сильно напугал тебя? Прости. Не знал, в какой квартире ты живешь, поэтому решил подождать тебя перед подъездом, – говорит он.

– А если бы знал, залез бы в окно? – спрашиваю я с подозрением.

– Что? Нет! Конечно же нет. Я же не безумец, – отвечает он, но я хмурюсь, потому что не верю ни единому его слову.

Как ему повезло, что я сегодня вышла в магазин. Так бы караулил меня под домом до следующих выходных?

Только сейчас замечаю, что он в той же одежде, ну или у него коллекция черных одинаковых футболок. Но выглядит уставшим: под глазами залегли тени, а волосы в таком же беспорядке, как и тогда. Может подарить ему расческу?

– Кто ты такой и что тебе надо? – вопрос звучит довольно устало, ощущение, что я задаю его в тысячный раз.

– Я Адам. И я здесь, чтобы помочь исполнить тебе твое желание.

Хмурюсь еще сильнее и снова бью его легким рюкзаком:

– Ответ нормально, если хочешь вести конструктивный диалог!

– Да я нормально отвечаю, – пожимает он плечами. – Что еще ты хочешь услышать?

– Кто тебя послал? Зачем? Откуда ты вообще вылез? Дурка еще не развесила твои объявления о поиске? – выпаливаю я, не скрывая раздражения.

Он недовольно кривит губы и скрещивает руки на груди:

– Ты знала, что ты грубиянка?

– И от кого я это слышу? От преследующего меня маньяка? – развожу руками, будто демонстрирую абсурдность ситуации. Он внезапно не сдерживается и начинает смеяться, а я растерянно хлопаю глазами.

Странно, но последние пять минут я перестала напрягаться. То ли осмелела из-за людного места, то ли поняла, что рюкзак – еще то боевое оружие. Но его смех такой приятный, что моих губ касается слабая улыбка. Стараюсь скрыть ее ладонью, делая вид, что откашливаюсь.

Он делает шаг ближе, а я все равно отступаю, но вздергиваю подбородок, показывая, что не боюсь. Если бы не был такой шпалой, мой вид точно выглядел бы угрожающе.

– Клянусь, я не обижу тебя. И пальцем не трону, если ты не попросишь, – говорит он с легкой усмешкой.

– А должна попросить? – вздергиваю бровь, надеясь, что выгляжу дерзко, а не как будто у меня паралич половины лица.

– Давай так: мы сходим в кафе и поговорим. Там достаточно людей – как минимум сотрудники. И да, я угощаю. Отвечу на все твои вопросы, насколько смогу. А дальше уже будешь судить сама, что со мной делать, – его предложение звучит мягко, будто он действительно не хочет меня спугнуть.

Нервно поправляю очки и отвожу взгляд – так мне проще думать, несмотря на его ослепительную улыбку и добрые глаза. Недавно думала, что упустила шанс поговорить с ним, а теперь судьба возвращает его. Если он все-таки псих или маньяк, то удача сомнительная. Но в людном месте он вряд ли что-то сделает.

Адам видит, что я обдумываю его предложение, и не торопит меня, за что я ему благодарна.

– Хорошо, даю тебе полчаса. После этого я встаю, ухожу, и ты перестаешь меня преследовать. Договорились?

На его лице появляется такая счастливая улыбка, словно я пообещала отдать ему все деньги и познакомить с Амелией. Он кивает и потянулся взять меня за руку, но я тут же отдергиваю ее, хмуро глядя в его глаза:

– Не делай так никогда...

– Прости, без рук, – поднимает их в знак капитуляции.

– Сначала мне нужно зайти в магазин и кое-что купить. Подожди меня здесь, и пойдем в кафе.

Он согласно кивает и остается снаружи, словно щенок, ожидающий хозяйки. Славно. И во что я ввязываюсь?

– Я буду лимонный тарт и большой раф, – сообщаю я официанту и закрываю небольшое меню. Адам взял себе только американо, но я решила не стесняться и взять десерт – раз уж меня угощают.

Официант уходит, чтобы передать наш заказ, а я отвожу взгляд к окну. Кофейня находится недалеко от моего дома, так что если что – смогу быстро уйти и укрыться у себя. До кафе мы шли молча, но Адам почти всю дорогу улыбался. Надеюсь, он не наслаждался мыслями о расчлененке или другой жути. Хотя, кажется, о подобном из нас двоих думаю только я. Но меня нельзя винить – живем в страшное время.

– Может все-таки поговорим? – мягко спрашивает он, и я возвращаю внимание к нему. Немного поерзав, словно устраиваясь поудобнее, смотрю на его руки, сложенные в замок на столе. Интересно, давно он занимается? Мне нравятся его руки – выглядят сильными и рельефными, но не перекаченными. Идеальная середина.

– Если мои руки куда интереснее... – начинает он с усмешкой.

– Я просто думала над вопросом! – возмущаюсь, будто не паялилась на его руки. Пусть думает, что неправильно понял. Хочу убрать волосы назад, но вспоминаю, что собрала их резинкой. Грязная голова. Какой позор! Больше никогда в жизни не выйду на улицу с грязной головой!

– Ты выглядишь устало. Все ли в порядке? – начинаю издалека. Простой вежливый вопрос, но он и правда выглядит уставшим.

– Я очень мало и плохо спал. На скамейке неудобно. Но под утро адаптировался, – отвечает он спокойно.

– Понимаю... подожди. На скамейке? Зачем?

– Мне некуда было пойти, поэтому я ночевал на скамейке перед твоим домом, – объясняет он, как будто это нормально.

И вот снова тарашусь на него, но теперь потому, что он говорил какие-то глупости.

– Тебя выгнали из дома? Или ты... – очень сильно стараюсь подобрать не грубое слово, – человек без определенного места жительства?

– Вот это ты завернула, но, наверное, второе чем-то похоже на правду. Я ведь пришел помочь тебе, здесь у меня дома нет.

– Так откуда ты пришел? Из Мрачного Королевства?

– Откуда?

Я машу рукой, как бы показывая, что говорю ерунду, а сама прошупала почву. Но это так глупо, не может быть он принцем, которого я выдумала в детстве. Тут два ключевых слова: выдумала и в детстве.

Официант принес нам кофе и мой десерт, пожелал приятного аппетита и удалился. Делаю небольшой глоток – приятная сладость разлилась по рту. Очень люблю раф, хотя пью его нечасто. Это же надо куда-нибудь сходить, а такая история не про меня.

– Может, ты потерял память? Мы можем сходить в полицию, и они дадут объявление. Уверена, твои близкие переживают за тебя, – это самое логичное объяснение всех его слов, но он упрямо мотает головой. Даже не отвечает ничего – все написано в его глазах: "Я пришел помочь тебе". В моей голове это не укладывается.

Снимаю очки, кладу их на стол и растираю пальцами глаза. То ли от напряжения болят, то ли от не самого удачного сна на кресле. Это просто нездоровый человек, который вбил в свою голову такую ересь. Но тогда почему все внутри меня хочет верить ему? Верить Тише и ее чудесам. Наверное, потому что для меня это жизненно важно. Иначе рано или поздно я сломаюсь окончательно...

– Адам, давай представим, что все так, как ты говоришь, – я впервые вслух произношу его имя, и мне нравится, как оно ложится в рот. – Как ты мне поможешь? Это же история не одного дня, и тут, скорее всего, кроме меня самой, мне никто не поможет.

– А я никуда и не тороплюсь. Я буду рядом до тех пор, пока твое желание не сбудется. Мы воплотим твои мечты и желания в жизнь. Изменим все, что ты сама пожелаешь. Сделаем тебя счастливой.

– Заставишь меня правильно питаться и спортом заниматься? Потом я стану худой, красивой и найду любовь всей своей жизни? Звучит как дешевый сериал.

– Зачем? Ты уже красивая, – говорит он так спокойно, словно констатирует факт.

Я нервно сглатываю. На самом деле не люблю, когда говорят о моей внешности, даже если хорошо. Знаю, что это просто лицемерие, дабы не обидеть меня. Разламываю свой тарт и начинаю пихать его в рот, лишь бы никак не комментировать его слова. Пусть продолжает изображать из себя слепца – это его дело.

– Ты ведь любишь рисовать, но не любишь свою работу. А еще ты сильно комплексуешь и из-за этого не хочешь ни с кем сблизиться. Думаю, с этого мы и можем начать.

Я немного напрягаюсь и запиваю десерт рафом. Не люблю сладкое сладким перебивать, но в данном случае кофе входит в список исключений.

– Откуда такие предположения? – спрашиваю настороженно, потому что все, что он сказал, попадает в самую точку. И это мне не нравится. Он слишком осведомлен для какого-то психа или обычного маньяка. Хотя слышала, что некоторые маньяки любят узнавать все о своей жертве и растягивать "охоту". Еще не поздно обратиться в полицию.

– Просто знаю, – он так легко пожимает плечами, будто я должна это просто принять. – Не могу всего объяснить, так как сам не понимаю всего. Я просто здесь, потому что ты загадала желание. И я буду здесь, пока оно не исполнится.

– Так ты хочешь сказать, у тебя до нашей встречи не было своей жизни? – Он отрицательно мотает головой.

– А когда исполнишь мое желание, то просто исчезнешь?

– Не уверен, но, скорее всего, так. Не задумывался об этом, – и снова эта прекрасная улыбка, но мне становится грустно.

Если на минуту представить, что все, что он говорит, – правда, значит, у него нет своей жизни. Он просто появился, чтобы спасти мою, а потом вновь исчезнет, словно его никогда не было. Неужели ему самому от этого не страшно? Ведь он просто прекратит свое существование. Хотя не исключено, что он просто будет помогать другой пропащей душе, возможно, в другом облики.

– Это все какой-то сюр, – тихо выдыхаю я и отодвигаю от себя чашку. Адам впервые делает глоток своего кофе. Теперь отводит взгляд к окну он, будто позволяя мне полюбоваться им.

Что-то внутри меня так сильно хочет ему поверить, но вся эта история слишком безумна даже для меня. Не знаю, откуда ему столько всего известно, но чудес не бывает. Я тверда в этом и вряд ли изменю решение.

Свои обещанные полчаса я отсидела, наверное, даже больше, а значит, с чистой совестью могу уходить домой.

– Адам, спасибо за угощение, но я пойду домой, – мой голос такой спокойный, хотя в душе все пять раз перевернулось.

Поднимаюсь и надеваю очки, на плечо забрасываю рюкзак, в котором теперь появился вес за счет купленных энергетиков.

– Когда мы начинаем наш план? – бодро спрашивает он, и на моем лице появляется грустная улыбка. Мне словно жаль его – от него веет такой искренностью. Но я не могу. Просто не могу.

– Никогда. Возвращайся домой и больше не преследуй отчаявшихся девушек, – машу ему на прощание и как можно быстрее покидаю кафе.

Думала, что он пойдет за мной, но, обернувшись, понимаю: он все еще сидит в кафе, а на лице отражена озадаченность.

Думала, что после этого разговора смогу выдохнуть спокойно, но теперь меня бушуют ужасные сомнения. Конечно, я могла спросить у него больше, убедиться, знает ли он что-то обо мне еще. Мне было страшно узнать, что он знает. Страшно узнать, что чудо и правда решило свершиться. Так страшно, что теперь сбегаю, поджав хвост.

Глупая. Глупая Ирэн.

Пусть Адам найдет того человека, который действительно готов что-то изменить в своей жизни. Как грустно, что это не я.

Глава 7.

Вижу, что Антон, Ден и Кирилл играют в Доту втроем, Лехи с ними нет. Значит дожидается меня. Невольно улыбаюсь и закусываю губу, чтобы эту улыбку подавить, но ничего не выходит. Открыв баночку энергетика, беру телефон и открываю наш диалог с Юдиным.

Ирэн: Готова играть.

Леха: Напиши без точки, я все еще боюсь тебя

Я отправляю смайлик с закатанными глазами, а сама продолжая лыбиться как дура. Шутки у Лехи тупые, но они мне нравятся.

Леха: Ща наберу, мы с Соником

А вот это меня удивило. Моя стесняшка Соня с кем-то сидит один на один. То она была не прочь играть с Кириллом, теперь это, малышка растет. Хотя не удивительно, ей уже двадцать два. Когда живешь столько лет раздельно, поражаешься тому, как быстро растут чужие дети.

Я вижу поступающий звонок и быстро надеваю на голову наушники, устраиваясь поудобнее.

– Иришка, привет! – слышу я радостный возглас Сонечки, как всегда с хорошим настроением. Хорошо учится, много друзей, наслаждается жизнью. Мне бы так.

– Ну привет, Юдина.

А тут я чуть не поперхнулась энергетиком, который как раз успела глотнуть. Лицо все покраснелось и я не поняла, это от того, что я поперхнулась или от такого заявления.

– Совсем дурной?

– Ну ты так примеряла мою фамилию, я совсем не против ею поделиться. Я щедрый, – вот же наглец, заявляет такую хрень при моей наивной сестре.

– Ох, черт, что-то упало, – бормочу я, даже ахнув для правдоподобности.

– Что такое? – взволнованно спрашивает Соня, и я довольно громко цыкаю:

– Да вот, губа Юдина упала и прикатилась аж к моим ногам. Как бы не растоптать.

– Ха-ха, очень смешно, – несмотря на ворчливый голос Лехи, Соня звонко рассмеялась, оценив мою шутку явно больше, чем его недоразумение.

– Так мы вдвоем идем играть? Во что? – бодро спрашиваю я, потирая ладошки, будто в последние дни не происходит ничего странного в моей жизни. Однако я круто этого избегаю, так что не время загружаться.

– Вообще-то... – промямлила Соня, но мысль не продолжает. Я ее не тороплю, но почему-то начинаю нервничать. Что-то случилось? Надеюсь, не с родителями. Папа же правда уехал в командировку, а не съехал от них совсем? Мама не говорила ничего такого, что было бы похоже на развод.

– Соник хочет с тобой кое-что обсудить. Я могу пока отойти, почирикаете, а потом пойдем играть, – предлагает Леха.

– Я могу и при тебе, в этом нет ничего такого.

– Сонь, дома все нормально? – прерываю их, потому что этот вопрос меня сейчас волнует больше всего.

– Да, дома нормально, – удивленно отвечает она. – Просто... хотела спросить у тебя совета.

Вот тебе на. Соня никогда не просила у меня совета, и я даже не обижалась на нее в этом плане – ведь ничего дельного посоветовать не могу. У нее есть лучшая подруга, вот кто главный советчик в ее жизни

– И какой же совет тебе нужен? Учти, я в медицине вообще не шарю.

– Было бы странно, если бы я обратилась к тебе с таким, – в ее голосе просквозило легкое недовольство, поэтому я дала ей договорить без предположений. – Кирия летом хочет приехать в Краснодар и предложил нам встретиться.

Вот тебе на дважды! Что я пропустила? Зачем Кирилл хочет с ней встретиться?

– Это дружеская встреча или... – начинаю я, но Соня перебивает:

– Ириш, я не знаю. Ну, вернее... Предлагая встречу, он сказал, что я ему нравлюсь как человек и хотел бы узнать меня поближе.

Я раскрываю рот, уставившись в монитор. Я настолько закопалась в своей убогой жизни, что совсем перестала замечать, что происходит в жизни моей младшей сестры. Чувствую себя не очень – словно не состоялась как старшая сестра. И ведь у меня нет даже шанса реабилитироваться, потому что в этом деле я не могу посоветовать ничего. В моей личной жизни настолько глухо, что даже перекасти-поле съехало.

– Так, если ты хочешь встретиться, то почему бы и нет, – неуверенно мямлю я, пытаюсь дать хотя бы подобие совета. Но ведь сказала очевидные вещи.

– Дело в том, что мне кое-кто нравится, – продолжает Соня, и я представляю, как она сейчас смущается, нервно поправляя очки. Караул, я вообще ничего не знаю о жизни моей сестры!

– Ого. И кто же этот счастливчик? – в диалог вступил Леха, а я от таких новостей даже позабыла, что он сидит с нами.

– Мы учимся вместе, я вам о нем не рассказывала. Там... все сложно. Ему кое-кто нравится, но этот кое-кто совсем не замечает его чувств. Все правда очень сложно.

– Какой-то любовный четырехугольник, – вот и все, что я смогла из себя выдавить. Лучше бы Соня поговорила с мамой или со своей подругой – ну не умею я в такие советы.

– Так, а Кирилл тебе нравится? – зато Леха активно пытается разобраться в ситуации, чего я совсем не ожидала.

– Не знаю, я никогда не рассматривала его в таком плане, – она издает тихий вздох, будто винит себя из-за этого.

Я делаю нервный глоток, будто сейчас решается судьба всего мира. Но судьба моей сестры важнее. Сейчас я больше уповаю на Леху – в романтических делах он более подкованный, по крайней мере, если верить его словам.

– Безответные чувства очень паршивы, – начинает Леха. – Конечно, можно долбиться в эту дверь и надеяться, что она когда-то откроется. Или можно открыть ту дверь, в которую стучат. А что выбирать – тебе лучше решить самой. Но тебе не обязательно торопиться в этом деле. Ты можешь встретиться с Кириллом, узнать его поближе, а там сама решишь. Но если Кирилл тебя достает, я могу с ним поговорить.

– Нет, Лешенька, не достает. Правда, спасибо, – отвечает Соня, и я не могу не съязвить:

– Леха, это самое умное, что ты выдал за всю жизнь. Теперь опять копить ульту двадцать шесть лет.

– Ир, в жопу иди, – огрызается он, и я издаю какое-то подобие смешка.

Не долбиться в дверь значит? Да я и не то чтобы долблюсь в нее – скорее подглядываю в глазок, как какой-нибудь маньяк. Но и в мою дверь никто не стучится, да и никогда не стучался. Мои прошлые отношения были с моей инициативы, тогда я еще была посмелее и более открытая, но это была ошибка. Или, как говорит Амелия, – опыт.

Леха частенько гуляет с разными девушками, и даже не знаю – ветреный он или девушки попадают не те. В его дверь так часто стучат, что меня у глазка он никогда и не заметит. Наверное, это и к лучшему, ведь еще на этапе обмена фотками я бы слилась.

– Пойдемте играть, время уже не раннее, – предлагает Леха, и мы с Соней тут же соглашаемся.

В последние дни я катаю себя на эмоциональных качелях, и чувствую, как сердечко покалывает в груди. Но, скорее всего, это от энергетиков.

Снимаю наушники и потягиваюсь, вскинув руки вверх. У ребят уже поздно, впереди понедельник, поэтому мы разошлись. Зато у меня есть время, чтобы чем-то заняться перед сном.

Сначала подумала о чтении, но в итоге достаю из стола листы и карандаши. Нужно сделать рисунок, чтобы отметить свой ежегодный прогресс. Но смотрю на лист минуту, две, пять, десять – и ничего! Раньше мне это так легко давалось: рука словно жила своей жизнью, а я лишь мысленно направляла ее, вспоминая образ, дорогой сердцу. Но теперь я увидела его во плоти.

На рисунке хочу отразить, что его взгляд на самом деле куда мягче и добрее. Смотря в них, вокруг будто наступает ранняя весна. Глаза не идеально зеленые – в них есть карие крапинки: в правом одна, а в левом две. Горбинка на носу едва заметна, только в профиль. На голове такой хаос, но почему-то это не выглядит неряшливо. Кажется, будто его волосы очень мягкие, но я бы не рискнула коснуться их.

Раньше рисовала его по плечи, а теперь хочу добавить и руку – его длинные пальцы очень запоминающиеся. Улыбка такая очаровательная, и из-за нее на щеках появляются ямочки. Это выглядит мило, но не умаляет мужественности. И родинка. Я никогда не рисовала ему родинку и теперь не могу вспомнить – то ли не видела ее, то ли потому, что мне не нравится моя собственная. Но сейчас кажется, что без нее рисунок был неполным.

Словно выхожу из транса – энергетик стал теплым, а по времени вижу, что рисовала больше двух часов. Для меня прошло словно десять минут. Но смотрю на рисунок и чувствую, как бабочки в животе снова сходят с ума. Кажется, будто он сейчас улыбается именно мне и зовет с собой в свое Мрачное Королевство. Но это все бредни воспаленного мозга.

Вытаскиваю из рамки старый рисунок и аккуратно кладу его в папку, где двадцать три рисунка темного принца. Новый рисунок вставляю в рамку и ставлю на стол, мягко улыбаясь. Да, мой навык вновь подрос. Он словно живой смотрит на меня и заставляет сердце биться чуть быстрее. Хочется отхлестать себя по щекам за глупые мысли – и в этот момент, взмахнув руками, опрокидываю банку с энергетиком. Она выливается на клавиатуру.

– Твою же мать! – вскрикиваю я, хватая бумажные полотенца и начинаю вытирать клавиатуру как можно быстрее. Ушло почти полрулона, но сладкая вода явно не пойдет на пользу технике.

Вывожу компьютер из состояния сна, чтобы проверить работоспособность – и готова взвыть от отчаяния. Клавиатура живет своей жизнью: что-то печатает, прыгает по вкладкам или просто закрывает их. Быстро выключаю компьютер и нервно прохаживаюсь по комнате.

Конечно, можно надеяться, что когда она просохнет, все будет нормально, но это не точно. Завтра нужно работать, а без клавиатуры это невозможно. Пропускать тоже не вариант – по понедельникам всегда много планерок, совещаний и отчетностей.

Придется идти за новой, хотя бы за временной, пока не решится судьба этой. А я ведь купила ее пару месяцев назад и не за малые деньги.

Надеваю джинсы, а сверху темную толстовку – вечером довольно свежо, да и в темное время суток предпочитаю одеваться как можно менее приметно. Гляжу на часы: девять вечера. Успеваю – магазин закрывается в десять.

Я быстро вылетаю из дома, удерживая лямку рюкзака, и бросаю быстрый взгляд на скамейку. Никого. Не знаю, что испытываю сильнее – облегчение или разочарование. Мне не стоит больше видеться с этим мужчиной, ведь кажется, что во второй раз я могу согласиться на его сомнительную авантюру. А это явно не самый мудрый поступок.

И девочки еще не знают, что я виделась с ним вновь. Амелия сказала бы, что я сошла с ума, а Тиша продолжала бы петь соловьем о том, что это чудо и я не смогу от него убежать. Надеюсь, к тридцати она загадает чувство реализма и увидит, каким мир станет серым и обычным.

– Эй, погоди, – услышала я за спиной мужской голос, незнакомый. Низкий, с хрипотцой. Думаю, это не мне, хотя никого впереди я точно не вижу. Мне становится беспокойно. Сунула руки в карманы толстовки и правой сжимаю ключи, так, чтобы один зажать между пальцами. Видела подобное, но никогда не думала, что мне может пригодиться.

– Да погоди ты, булочка! – вот черт, это точно мне. Ускоряюсь в шаге, но чувствую, как на мое плечо ложится рука и заставляет меня немного остановиться.

– Чем-то могу помочь? – спрашиваю нервно и тихо, сжимая ключ настолько сильно, что он впивается в ладонь.

Мужчина с щетиной и сальным взглядом смотрит на меня с гадкой улыбочкой. С другой стороны подходит второй, помоложе, но не с менее неприятной наружностью.

– Извините, меня ждет муж, – после их игнора не придумываю лжи лучше. Хочу шагнуть дальше, но меня крепко удерживают за плечи. Готовлюсь закричать, но от ужаса меня всю сковало. Не могу ни ударить, ни заорать. А потом будут осматривать, говорить, что нет следов сопротивления, а значит, сама хотела.

– Подождет, – легко говорит мужчина и толкает меня за угол дома. Я с трудом устояла на ногах, потому что они не хотели даже гнуться.

Что происходит? Всю жизнь видела плюс лишнего веса в том, что не должна быть во вкусе насильников. Я одета явно не вызывающе. Может, они хотят просто ограбить? Пусть забирают рюкзак и сваливают.

– У меня с собой не много денег, но вы можете забрать все. Позвольте мне уйти, – голос начинает дрожать, да, кажется, и ноги тоже.

Я буквально вымаливаю свою свободу, вызывая только смех у этих двоих. Прижимаюсь к холодной стене и смотрю на них во все глаза. Кажется, если я моргну, произойдет что-то страшное.

– Мы разве похожи на тех, кому нужны деньги? Обижаешь, подруга, – тот, что помоложе, шагает ко мне ближе и протягивает руку. Наконец нахожу силы вскрикнуть, но он тут же ладонью зажимает мне рот, не позволяя издать и звука.

Почему это происходит со мной? Где я так согрешила?

Нервно оглядываюсь по сторонам, но вокруг ни души.

– У меня сегодня день рождения. Мне исполнилось тридцать лет, а в такой день все желания должны исполняться, – он медленно снимает мои очки и отбрасывает их в сторону. Уверена, очкам кранты. Как и мне. Даже не знаю, кому из нас достанется больше.

– Давай быстрее, – недовольно проворчал мужчина с щетиной, видимо, стоя на стреме. И ведь сейчас даже не ночь, и на улице не полная тьма. Куда катится этот мир?

Все-таки вытаскиваю руку из кармана, чтобы попытать удачи, но он быстро перехватывает ее второй рукой. Теперь я еще и безоружна. Глаза начинает щипать от слез, и, кажется, это только раздражает его. Урод так больно сжимает мое запястье, что я роняю ключи – они звонко ударяются об асфальт.

Теперь я еще меньше хочу верить в чудо. Ведь если его желание сбудется, то мне конец. Я с этим не справлюсь, не смогу с этим жить.

Зажмуриваюсь, потому что не хочу этого видеть. Вот бы еще и отключиться, чтобы ничего не чувствовать.

– Боже, помоги мне, – шепчу про себя.

Слышу какую-то возню, и меня отпускают. Но все еще не решаюсь раскрыть глаза – слишком страшно, хотя, кажется, теперь слышу больше голосов. Какую-то ругань, удары, стоны – такой сумбура звуков. Продолжая находиться в темноте, надеюсь, что все кончится быстро.

Затем несколько пар ног удаляются, и наступает полная тишина. Лишь мое сердце стучит, отдаваясь громким звуком в ушах.

– Ирэн, ты в порядке?

Тут же распахиваю глаза и вижу его. Мой темный принц стоит передо мной, вытирая тыльной стороной ладони кровь с разбитой губы. Он быстро дышит и осматривает меня взглядом – не тем похотливым и сальным, каким одаривали меня те двое. В его взгляде беспокойство, словно он сканирует меня, чтобы убедиться, что я не пострадала.

Кажется, благодаря ему я отделалась только испугом и разбитыми очками. Но мои ноги все равно не выдерживают – подкашиваются, и я усаживаюсь на задницу. Асфальт прохладный, но это меня сейчас волнует меньше всего.

– Ирэн! – он подходит ближе и садится передо мной на корточки. Вижу, что хочет коснуться меня, но так и не решается. Пока я благодарна ему за это.

Меня мелко потряхивает, губы пересохли, и я все еще не нахожу нужных слов. Наверное, должна сказать спасибо и пойти купить клавиатуру – ведь не успею сходить в магазин. Но, едва открыв рот, услышала жуткий звук

Кто-то надрывно начал рыдать, словно этому человеку очень больно. Мое сердце сжимается от этого звука. А потом понимаю – этот звук издаю я. По моим щекам стекают слезы, и я, чуть ли не захлебываясь в рыданиях, не помню, когда последний раз так сильно плакала.

– Ирэн... – он так мягко и ласково меня зовет, но от этой истерики я даже не могу сказать, что со мной все в порядке, что я просто очень сильно испугалась.

Он тянет ко мне руку, и я инстинктивно сжимаюсь. Но он просто надевает на мою голову капюшон от толстовки, а затем нежно начинает поглаживать, как будто успокаивая меня, но касаясь не напрямую.

Эта забота так сильно трогает меня, что, кажется, я начинаю плакать еще сильнее. Но он ничего не говорит и дает мне выплакать все свои слезы, накопленные годами, словно плотину прорвало.

Наверное, сейчас я бы хотела, чтобы меня кто-то обнял и укрыл от этого серого мира. Но я не могу даже слова вымолвить – только рыдаю, а он терпеливо ждет, не торопя, не отворачиваясь. Его присутствие странным образом успокаивает, хотя логика кричит, что я должна бояться и его тоже.

Не представляю, как долго я плакала, но мои глаза точно опухли от слез, с носа текло, и какое-то время я еще сидела и просто всхлипывала. Адам не отходил от меня и продолжал поглаживать по голове. Мои очки и правда разбились – придется заменять стекло. Как много трат за такой короткий период, но зато я цела и невредима, разве что бед с башкой будет еще больше.

Я и так была шуганная, но оказывается, весить больше восьмидесяти килограмм недостаточно, чтобы мужчины тебя не трогали.

Адам проводил меня до самого дома. Конечно, ни за какой клавиатурой я уже не пошла. Мне хотелось домой, залезть под одеяло и не вылезать до самого утра, а лучше – и дольше. Всю дорогу мы молчали. Я не поднимала взгляда, но слышала его шаги, и его присутствие ощущалось как-то по-особенному. Но я слишком раздраена, чтобы описать и понять эти ощущения.

Мы остановились у моего дома, и я не спешила поднимать взгляд. Нужно все-таки отблагодарить его и попрощаться, но, поднимая взгляд, вижу в его взгляде печаль. Не хочу этого. Хочу, чтобы он улыбнулся и вернул мне мою раннюю весну, а сейчас словно пришла зима, несмотря на то, что на улице очень тепло. Его губа выглядит не очень хорошо, да и костяшки на руках сбиты. Он пострадал из-за меня. Меньшее, что я могу сделать, – это позаботиться о нем, как он обо мне, пока я рыдала и билась в истерике.

– У меня дома есть аптечка, схожу за ней, подожди меня здесь, – наконец нарушаю тишину, и мой голос хрипит – то ли от того, что так долго молчала, то ли от того, что до молчания много рыдала.

– Не стоит, я в порядке, Ирэн. Лучше скажи...

– Стоит. Скоро буду. Подожди, пожалуйста.

Видно, что он хочет поспорить, но все же смиренно кивает и садится на скамейку, как будто показывая, что никуда не уйдет. Замечаю, что на нем сегодня вместо черной футболки синяя, а значит, ему все-таки есть где переодеться и привести себя в нормальное состояние.

Мне хочется улыбнуться ему, но ничего не выходит, поэтому просто разворачиваюсь и иду в дом.

Лифт будто специально едет очень медленно, чтобы у меня было время передумать и не спускаться к нему. Но это будет неправильно.

Заходя в квартиру, пытаюсь вспомнить, где моя аптечка, так как практически ею не пользуюсь. У меня бы ее и не было, если бы Тиша не настояла. Она-то правильная девушка – знает, что может что-то случиться, всегда носит с собой и пластырь, и антисептик, и даже таблетки от боли в животе. Я сижу дома, поэтому даже не думала, что такие вещи могут мне понадобиться с собой.

Нахожу аптечку в ящике на кухне и достаю оттуда антисептик и заживляющую мазь. Надеюсь, этого будет достаточно, ведь ничего более путного у меня и нет. Скидываю рюкзак на пол и покидаю квартиру. Вновь вызываю лифт, но он уже успел уехать, так как кто-то другой вызвал его. И появляется страх, что сейчас я спущусь, а Адама там не будет. Что он исчезнет так же внезапно, как и появился.

Мне не по себе от этой мысли, поэтому, не дожидаясь лифта, чуть ли не бегу вниз по лестнице. Конечно, мое дыхание быстро сбивается, а в разбитых очках смотреть на мир стало не очень комфортно, но я справляюсь хотя бы с этой задачей.

Толкаю дверь, уже дышу тяжело, но так боюсь того, что сама нарисовала в голове, и не удерживаю вздоха облегчения, когда вижу его на той же скамейке. Он поднимает на меня взгляд, а затем улыбается – как-то печально, но в его улыбке столько добра и нежности. Едва, но улыбаюсь ему в ответ и уже спокойнее подхожу к нему.

Становится неловко от того, что я так запыхалась, поэтому нервно поправляю очки.

– Просто промой и помажу. Если будет совсем плохо, тебе лучше сходить к врачу.

– Ирэн, это мелочи и скоро заживет.

Я закатываю глаза, так как это все уж очень похоже на книжный типаж альфаца, который все может и которому на все побоку.

Достаю из кармана платок, смачиваю его антисептиком и начинаю аккуратно промакивать ранки. Он немного морщится, но не издает ни звука. Потом спасибо скажет, когда не помрет от заражения крови.

– Ты опять следил за мной? – тихо спрашиваю, не переставая оказывать медицинскую помощь. Сейчас я даже не буду злиться на него – ведь это спасло мою жизнь. А он все меньше и меньше похож на того, кто может мне навредить.

– Нет, дело в другом. Но ты мне не поверишь. Опять, – отвечает он с невеселой усмешкой.

– Обещаю попробовать. Это будет моей благодарностью за то, что ты меня спас, – говорю я, беря его руку в свои и обрабатывая ссадины на костяшках.

– Я почувствовал, что с тобой должно случиться что-то плохое, и сразу же помчался к тебе. Не был уверен, что ты дома, и не знал, что должно произойти. Но мне было очень тревожно. Нет, точнее будет сказать – страшно. А когда я увидел, что эти двое... – он сжимает руки в кулаки так сильно, что ссадины натягиваются, точно доставляя ему еще больше боли. Но он опять этого не показывает.

– Не понимаю. Как ты мог почувствовать? Ты какой-то экстрасенс? – у меня тут же в голове воспроизводится заставка российского телепроекта "Битва экстрасенсов". От этого губы вновь дрогнули в легкой улыбке. Наверное, он подумал, что я шучу над ним, но на самом деле готова верить в эту версию больше, чем в исполнение желания.

– Нет, Ирэн. Просто я связан с тобой. Я существую только потому, что ты загадала желание, и буду здесь, пока не помогу тебе исполнить его. – он смотрит на меня так серьезно, что моя улыбка медленно тает. – Я не могу объяснить это иначе. Но я знаю, что ты в опасности, и я не смогу просто так уйти, зная это.

Я обрабатываю антисептиком и свои руки, хотя стоило это сделать сразу, а затем надавливаю мазь на указательный палец и аккуратно наношу ее на его ранки.

– По твоей логике, ты исчезнешь, когда мое желание исполнится. Так зачем тебе это? Разве тебе не хочется просто жить? – наконец решаюсь спросить то, что хотела еще днем.

– У меня нет своих желаний. Сейчас я есть, а потом нет. Я существую только ради помощи тебе, и меня это устраивает, – отвечает он спокойно, но его слова режут слух.

– А меня нет. Это звучит ужасно. Не будем об этом говорить, – по лицу вижу, что он недоволен, но все же не продолжает развивать тему.

Закончив с оказанием помощи, я отхожу от него на шаг. Конечно, медицинских познаний у меня совсем нет, но хуже точно не сделала.

– Спасибо, – мягко благодарит он, а я до сих пор не выразила благодарности. Самой от себя противно.

– Вижу, ты приедешь и выглядишь свежим и отдохнувшим. Вернулся домой? – спрашиваю, пытаюсь сменить тему.

– Я же говорил тебе, у меня нет дома. У меня было немного налички, я купил сменную одежду и снял номер в гостинице на ночь. Деньги, правда, кончились, и вот я здесь, – он развел руками в стороны, легко усмехнувшись. Мне вновь стало не по себе. Он что, правда бездомный, или это такой хитрый ход, чтобы я из благодарности впустила его к себе? У меня, конечно, есть диван, но все-таки я не настолько отчаялась.

– А документов с собой у тебя не было? Или телефона с контактами близких? – спрашиваю, пытаюсь докопаться до истины.

– Документов нет, а вот телефон есть. Но в нем нет даже сим-карты. Так что если ты еще склоняешься к версии, что я просто потерял память и меня ждут дома, то это не так. У меня есть имя и цель. Больше ничего и никого. Только ты, Ирэн, – он сказал это так чувственно, что у меня аж дыхание перехватило.

Понимаю, он вкладывал в это другой смысл, но буквально на мгновение мне показалось, что мы нуждаемся друг в друге. Но это наваждение быстро прошло.

– Тебе стоило выбрать цель поинтереснее. Я самый запущенный случай. Мои соболезнования, – пытаюсь отшутиться, но мое наигранное веселье он не поддержал.

Вновь поправляю очки и облизываю все еще пересохшие губы. Что мне с ним делать?

– Адам, я безумно тебе благодарна за спасение, правда. Не представляю, что они со мной бы сделали. Я бы с этим не справилась. Но мое решение неизменно – я не впусти тебя к себе. Попробуй все же обратиться в полицию, вдруг тебя ищут. А если ты и правда пришел из какого-то волшебного мира, то возвращайся туда. Я не буду исполнять свое желание. Не хочу.

– Врешь, – твердо говорит он, а затем выдыхает и добавляет мягче: – Ты врешь, Ирэн.

Нервно переминаясь с ноги на ногу, опускаю взгляд. Он прав, я вру. Я загадала это желание, потому что оно правда заветное, потому что я правда хочу начать жить. Но мне так страшно решиться на это. Ведь если ничего не получится, я точно не справлюсь с отчаянием, что на меня навалится.

Я – Ирэн, Ирина Романова, мне уже тридцать лет. Поздно что-то менять.

– Доброй ночи, Адам, – мой голос звучит так нежно, что даже не верю, что он принадлежит мне.

Он вскакивает со скамейки, желая что-то сказать, но я быстро достаю ключи из кармана, открываю дверь и скрываюсь в подъезде дома.

Мне хочется вновь плакать, но теперь от того, что я бегу. Постоянно убегаю, как слабачка, трусиха. Как же я себя ненавижу. Зачем тогда вообще проживать такое существование? Ах, да – я слишком труслива, чтобы его прекратить.

Попав в свою квартиру, прижимаюсь спиной к двери и закрываю глаза. Вдох. Выдох. Нужно успокоиться и вернуться к своей отвратительной серой жизни. Нужно отпустить моего темного принца, которого я ждала тридцать лет.

Прощай, Адам. Спасибо.

Глава 8.

Рабочий день подошел к концу, и я устало откидываюсь на спинку компьютерного кресла. С момента того кошмарного вечера прошло три дня. Адама я больше не видела, но и из дома не выходила, прячась от всего мира. Это привычный ход жизни для меня, но теперь все это не выходит из головы.

Еще только вчера поняла, что так и не забрала у Адама свой наушник. Надеюсь, он его не выбросил, но встречаться и забирать его совсем не хочется. Из хороших новостей: клавиатура выжила, замена не потребовалась, а Тиша отнесла мои очки на замену стекла, и мне пока дали временные.

Никому не рассказала о произошедшем, потому что не хочу, проживая этот момент заново. Да и представляю лица тех, кто это услышит – что такую, как я, сексуально домогались. Не зря говорят: на безрыбье и рак рыба. К тому же мой темный принц помог избежать кошмаров. Не знаю, как это ему удалось. Кажется, если я снова попаду в беду, он вновь мне поможет.

Допив остатки энергетика, встаю, чтобы убрать мусор со стола, накопившийся за день. Оглянув комнату, понимаю, что не помешала бы генеральная уборка, но слишком лень этим заниматься. Хотя стоит поставить в планы на выходные.

Потянувшись, слышу, как хрустит спина. Старость не радость. Хочу почитать, но звонит телефон – Амелия. Тихо вздыхаю, догадываясь о причине звонка, но все же отвечаю:

– Я не пойду, – тут же говорю, желая закончить диалог как можно быстрее. Но уверена, что подруга будет уговаривать.

– И тебе привет. Может, я звоню спросить, как у тебя дела? – спрашивает она, но я знаю ее интонации.

– За дуру меня не держи. Ты никогда не звонишь, чтобы спросить, как дела, – усмехаюсь и плюхаюсь в кресло, все еще желая расслабиться и почитать после работы.

– Твоя правда. Так почему ты решила не идти? – и вот оно, началось. Я работаю с продажами и прекрасно знаю, как это работает: задаешь уточняющие вопросы, присоединяешься к собеседнику, а потом начинаешь сыпать аргументами, чтобы в итоге отбить возражение. Нет, подруга, со мной такое не прокатит.

– Планирую все выходные посвятить уборке, а то у меня появятся тараканы и унесут меня прочь, – тихо усмехаюсь.

– За дуру меня не держи, – повторяет она мою фразу, и в чем-то, конечно, права.

Теперь вздыхаю тяжелее и смотрю в сторону, будто это поможет избежать ненужного диалога. Она прекрасно знает почему, но заставляет сказать это вслух. И зачем я с ней дружу столько лет? Жила бы себе спокойно, как затворник, и бед бы не знала.

– Такие мероприятия не для меня. Я не хочу ни с кем знакомиться, тем более когда людей будет много.

– Чем больше людей, тем больше выбор. Нельзя же знакомиться с кем попало, – и звучит ее любимый раздраженный цок.

– Амелия, они все сейчас для меня кто попало. Пожалуйста, не заставляй меня. Мне будет там некомфортно и скучно. И ты не сможешь нормально расслабиться, потому что будешь пекься о моем комфорте.

– Не буду, – врунья. Амелия открыто не проявляет эмоции, чувства или привязанность, но мы с Тишей прекрасно знаем, какая она на самом деле. Если мне там будет плохо, она из

кожи вон вылезет, чтобы поправить положение, или просто уйдет вместе со мной домой. А я не хочу, чтобы она портила свои выходные на паршивый вечер с вечно грустной подружкой.

– Ирэн, давай так: если тебе там будет совсем не в кайф, мы просто уйдем. Придем к тебе, посмотрим Netflix и съедим ведро мороженого. Дай шанс – если ничего не выйдет, я больше никогда не потяну тебя на подобное мероприятие.

Ну вот, как я и думала. Знаю, она делает это из лучших побуждений – хочет вытащить меня в свет и показать, что я такая же нормальная, как и все. Но она ошибается. Ей легко на такое идти: сама-то красотка и легко находит общий язык с людьми.

– Ладно, я постараюсь. Но если уборки будет слишком много, то все-таки откажусь, – неохотно соглашаюсь. Все-таки можно будет уйти через полчаса после начала.

– Я сделаю все, чтобы ты не пожалела, вот увидишь. Зайду за тобой пораньше и помогу собраться. Только умоляю тебя, вымой голову.

– Все, Амелия, пока, – прерываю ее болтовню и бросаю трубку. Жалею десять раз, что вообще ответила на этот звонок. Проигнорировала бы ее до следующей недели, а потом придумала какую-нибудь тупую отмазку, в которую она, конечно же, не поверила бы.

Только хочу положить телефон и взяться за книгу, как он опять издает сигнал – теперь о сообщении. Если это опять Амелия, то я брошу ее в черный список и никуда не пойду. Но нет, это была не она.

Леха: Играть пойдем?

Ирэн: Сегодня пас, тяжелая неделя.

Леха: Может хочешь просто поговорить? Я же умею не только играть

Ирэн: Затирай про свои немногочисленные умения своим подружкам.

И зачем я так грубо ответила? Вижу ведь, он искренне переживает и предлагает дружеский диалог. Но эти три дня я безумно раздражительная. Нужно будет извиниться перед ним – он-то точно не заслужил моей грубости.

Леха: Это что, нотки ревности? Готов сделать тебя единственной подружкой

Беру свои слова назад – он все заслужил, кроме моих извинений. Он даже не представляет, что его шутки очень близки к правде, и мне правда неприятно, что он ходит по свиданиям. Но я понимаю, что это неправильно – я не имею никаких прав на Леху и предъявлять их не собираюсь.

Леха: Все нормально?

Я долго не отвечала, и, наверное, он подумал, что у меня совсем нет настроения. Но это тоже недалеко от истины. Нервно потираю пальцами шею и спешу напечатать ответ.

Ирэн: Если не считать, что ты поешь дичь, то все отлично. Собираюсь читать, так что не отвлекай меня от настоящих альфа-человеков.

Какой глупый ответ, но он знает, что я книжный червь. И действительно перестает мне писать. Но я хочу, чтобы он опять написал глупую шутку или завалил меня какими-нибудь вопросами. Что угодно, лишь бы чувствовать, что ему не все равно на меня.

Откладываю телефон и наконец беру в руки книгу. Я уже на втором томе цикла и пока не знаю, как к нему относиться. Не скажу, что он мне неинтересен, но вокруг главной героини происходит так много событий за короткий срок, а она недовольна, что близкие пытаются ее оберегать. И мне ведь есть с чем сравнить.

За последние дни со мной тоже много чего случилось – пусть и не такого серьезного, как с ней, но даже это слишком для меня. Я не хочу сама принимать никаких решений, не хочу ни в чем участвовать. Хочу просто влачить свое не самое привлекательное существование.

А еще хочу забрать свой второй наушник...

Это не предлог для встречи, ни в коем случае.

Я резко просыпаюсь от ощущения, что кто-то прижимается ко мне со спины и притягивает к своей груди. Сердце устраивает забег, а в голове туман – ночь, моя кровать, я живу одна. По крайней мере, должна жить одна. Но странным образом не испытываю страха, только трепетное волнение.

– Ехать до тебя очень долго, я утомился, – слышу голос Лехи. Впервые не в наушниках, а прямо у своего уха. Он приехал ко мне? Но почему не предупредил? Хочется задать все эти вопросы, но вместо этого просто расслабляюсь, закрыв глаза.

В его объятиях так тепло и комфортно. В его руках нет той огромной силы, как у Адама, но я все равно чувствую себя в безопасности. Теплое дыхание ласкает мое ухо, и теперь я не хочу, чтобы когда-нибудь было иначе.

– Романова, поговори со мной, – говорит он так ласково, что по коже пробегают приятные мурашки. Какой же у него приятный голос.

– Почему ты здесь, Лех?

– А я должен быть где-то еще?

– Я имею в виду, почему ты здесь, со мной? У тебя же есть варианты куда лучше, и ты всегда относишься ко мне как к другу, – открываю глаза и закусываю губу, будто собираюсь кокетничать, но на самом деле начинаю переживать. Боюсь, что могу сейчас признаться в том, в чем отказываюсь признаваться сама себе. А ему такая правда не нужна.

– Ир, ты сама за меня все решила. А теперь задаешь такие глупые вопросы. Я же не просто так тебе свою фамилию предлагаю, – его объятия становятся крепче, и я на пару секунд забываю, как правильно вдохнуть. Еще несколько таких фраз – и я совсем задохнусь, зато буду счастливая.

Хочу перевернуться и впервые увидеть его лицо, но он не дает, так крепко удерживая меня.

– Разве тебе не противно касаться меня? – задаю этот вопрос так тихо, что, кажется, он не сможет услышать. Но до меня доносится тихий смешок, словно я сказала какую-то глупость.

– Такая большая, а все еще такая глупая.

– Ну знаешь ли, – вырывается недовольство, но оно наигранное. Внутри меня все улыбается и сияет. Он не дал прямого ответа, но я все-таки не глупая и прекрасно понимаю его послание.

– Ир...

– М?

– Можно я тебя поцелую? – только что мое сердце оседлало коня и ускакало прочь. Я не целовалась пять лет и, кажется, позабыла, какого это. Страшно оплошать. Но я хочу – безумно хочу этого. Должна ответить, но не показаться слишком дикой, будто ждала этого всю жизнь. Но это тоже чертова правда. Я хочу, чтобы меня поцеловал Леха Юдин!

И тут Леха оглушает меня неприятный громким звуком. Я морщусь и хочу нащупать очки, но их, как обычно, нет, когда они так нужны. Я резко сажусь и смотрю на него, а у него нет лица, его образ полностью размыт. Не думаю, что у меня настолько плохое зрение. Его образа нет, потому что я его не знаю. Он открывает, кажется, рот и снова издает этот пронзительный звук.

Я открываю глаза и понимаю, что на улице уже светло. Все еще в кровати, но никакого Лехи в ней нет. Это был очередной странный сон. Нет, мне не впервой снятся мужчины, но обычно мне снятся книжные персонажи или вообще незнакомые люди. Леха снился мне в первый раз.

И снова эта трель – теперь понимаю, что это дверной звонок. Кое-как встаю с кровати, хватаю очки и цепляю их на нос, а затем босиком шлепаю к двери. Открываю ее, даже не

посмотрев в глазок – не потому, что знаю, кто это, а просто мой мозг еще не проснулся и действую на автомате.

Но все в порядке – это Амелия, и на ее лице отражается недовольство.

– Ты до сих пор спишь? Время три часа, – выплевывает она причину своего недовольства и без приглашения входит в квартиру.

Я смотрю на нее, все еще стараясь разбудить свой мозг, и не понимаю, что она вообще здесь делает.

– Ирэн, ты мне не говорила "нет", так что я пришла помочь тебе собраться, – уточняет она, видя недоумение на моем лице.

Шлепаю себя по лбу, вспоминая, что сегодня суббота, и медленно иду в свою комнату, а Амелия следует за мной.

– У нас же еще куча времени до вечера. Зачем ты пришла так рано? – сажусь на кровать, провожу рукой по волосам и понимаю, что так и не помыла их перед сном. Мы играли допоздна с ребятами, поэтому я совсем не чувствую себя бодрой. И уж тем более желающей куда-то идти.

– Я предполагала, что застану тебя не в самом идеальном виде. Топай в душ, а я приготовлю тебе что-нибудь позавтракать, – она ставит на кресло какой-то пакет, но не говорит, что там находится.

Ладно, я же сказала, что пойду. Не буду противиться – вдруг я смогу подружиться хотя бы с женской половиной? Встаю с кровати и включаю кондиционер, чтобы дома было попроще. Не люблю духоту.

– Закажи еду, у меня в холодильнике ничего, кроме энергетиков и мороженого, нет.

– Когда-нибудь я выучу русский и пожалуюсь твоим родителям, что ты питаешься как нищий студент.

– Они знают английский, могу дать номер, – глубоко зеваю и скрываюсь в ванной.

Вообще-то не хотелось бы, чтобы мама знала, что я питаюсь исключительно доставкой. Начнется лекция о женском счастье, а без умения готовить его не построишь. Тогда ей придется смириться, что я умру несчастной, ведь готовка – это не мое. Но Амелия не станет никому звонить и жаловаться. Не знаю, откуда у меня такая уверенность, но она есть.

После душа оделась и замотала волосы полотенцем. Амелия сидела на кухне, пила чай и активно с кем-то переписывалась в телефоне – скорее всего, со своими многочисленными ухажерами. Умеет же вертеть мужчинами, ничего конкретного никому не обещая. Насколько я знаю, свой новенький айфон подруга купила не сама – это подарок. Вот бы и мне такие подарки делали, но лучше тогда пересобрать компьютер. Я не падкая на крутые телефоны.

– Такая ты копуша, конечно, но доставка еще не приехала. Чем ты занималась ночью, раз спала весь день? – она даже не оторвалась от телефона, решив поговорить со мной. Так на нее похоже.

Закатив глаза, сажусь напротив нее:

– Можно подумать, много вариантов. Играла с друзьями.

– Кошмар, у вас же такая большая разница во времени. Они вообще спят?

– Ну да, днем отсыпаются. Выходные же, могут себе позволить, – отмахиваюсь, не желая продолжать обсуждать эту тему. Не играющие люди никогда не поймут играющих. Амелия и сама частенько пропадает по ночам, но по другим причинам.

– Готовь фен. Высушу и уложу тебе волосы, – Амелия блокирует телефон и решительно встает. Лучше бы она и дальше переписывалась.

Я невольно кривлюсь, но все-таки встаю:

– Это обязательно? Не хочу наводить марафеты для случайных людей.

– Ты это делаешь не для них, а для себя. Надо раскрывать свою женственность.

– Нельзя раскрыть то, чего нет, – достаю фен из комода, вставляю в розетку, а сама беру стул с кухни и сажусь посередине комнаты, выражая всем видом недовольство.

– Еще что-то подобное скажешь –огрею тебя феном, – фыркает она и встает за моей спиной, забирая фен.

Теперь мы не общаемся, потому что он шумит, а она орудует им и расческой. Ладно, пусть поиграет в салон красоты, если ей так хочется. Один день можно и потерпеть, только пусть потом не жалуется, что я очень капризный клиент.

По ходу сушки понимаю, что она хочет, чтобы мои волосы были прямые, но и здесь ее ждет разочарование. Они выются – всегда. Мои волосы живут своей жизнью, и я давно с этим смирилась.

Через двадцать минут она заканчивает и встает передо мной, осматривая так, будто сделала мне какую-то невероятную прическу. Ну да, прямо шедевр. Но я молчу – пусть насладится своим творением. Главное, что она довольна. А я? Я просто устала от всего этого цирка. Но ради нее потерплю. Хотя бы сегодня.

– Когда ты не прилизанная, то выглядишь уже в тысячу раз лучше, – заявляет Амелия, осматривая свою "работу".

– Приму это за комплимент. Можно сфоткать и оставить себе на память – ведь я никогда подобным заниматься не буду, – отвечаю, кривясь.

– Очень жаль, – хмыкает она и откладывает фен в сторону, а затем из своего пакета достает огромную косметичку.

Ужасно не нравится ощущение косметики на лице. Я ей вообще не пользуюсь. Были попытки еще в подростковом возрасте, но руки у меня не из того места для таких вещей. Хотя странно – занимаюсь же рисованием, но на своем лице ничего путного нарисовать не могла. Про пытку со стрелками вообще молчу: всегда выходили разные.

– Расслабь лицо. Чем быстрее я это сделаю, тем лучше. Обещаю, он будет максимально натуральный. Хочу, чтобы ты чувствовала себя комфортно, – она нагибается и начинает наносить мне тон. Благо у нас у обеих довольно бледная кожа, поэтому ее тон мне подходит.

Хочется сказать Амелии, что мне будет комфортно дома с книгой, но решаю не начинать ныть. Подруга и так настрадалась, пока делает мне макияж: я постоянно дергаюсь, ворчу, глаза слезятся. По итогу она выровняла тон моей кожи, подвела глаза, накрашила ресницы и нанесла блеск на губы. Теперь они какие-то липкие. Фу.

– Ты закончишь эти пытки? Я голодная, – наконец начинаю ныть. Пока она меня красила, доставка приехала, но Амелия не разрешила мне есть, пока мы не закончим. И какой смысл красить губы, если я все смажу едой?

– Да все, закончила. Но в зеркало не смотри, пока не оденешься. И ешь осторожно, – в ее голосе звучит строгость, словно я ребенок, которого она собирает на утренник.

Амелия оперативно собирает свою косметичку, а я встаю со стула.

– Можно подумать, я себя в своей одежде не видела.

– Видела, но я купила тебе блузку. Потому что твои вещи... – она не договаривает, но по ее лицу и так все понятно.

У нас разный стиль, а если точнее – у меня вообще отсутствует чувство стиля. Я просто надеваю то, что налезет и скроет мою фигуру.

Ухожу на кухню, чтобы поесть, смирившись даже с купленной одеждой. Уверена, это не будет платье. Амелия не поступит со мной так жестоко, а мои ноги не готовы выйти на свет.

Поела я довольно быстро – моя заботливая подруга заказала мне смузи и салат, пояснив выбор тем, что мы сможем поесть в караоке. Не люблю есть при чужих людях, так что, думается мне, сегодня у меня день голодовки.

Когда возвращаюсь в комнату, подруга из пакета достает что-то белое. Белое! Я не ношу этот цвет – он излишне привлекает внимание, полнит и легко пачкается. Все мои вещи в гардеробе – в темных оттенках. Редко можно встретить что-то светлое, и то это, скорее всего, домашняя одежда.

– Белое? – озвучиваю вслух свое недовольство, на что Амелия, конечно же, цокает.

Это белая блузка с пышными рукавами и глубоким вырезом в декольте. Вообще выглядит она очень симпатично – я уже вижу, что она хорошо будет смотреться со светлыми джинсами. Но цвет, и этот вырез, и это приталенное... Издаю отчаянный стон, но блузку беру.

– Это будет катастрофа, – шепчу и забираю вещи, чтобы переодеться в ванной.

Пусть мы с Амелией знакомы много лет, все равно не могу переодеться перед ней. Мне слишком неловко и стыдно. Но одевшись в ванне, я все-таки бросаю на себя взгляд в зеркало – и замолкаю.

Образ вышел довольно нежным и светлым. Оказывается, белый цвет мне идет и не так уж полнит. Да, не стройнит, просто показывает меня такой, какая я есть. И декольте не выглядит пошлым, а наоборот – изящным, подчеркивая мои формы, которые я обычно стараюсь прятать. Макияж закрепляет весь образ, а волосы все еще держатся прямыми.

Невольно улыбаюсь отражению в зеркале, но улыбка печальная. Ведь это не я. Не могу же я держать у себя Амелию, чтобы быть такой всегда. Не могу ходить с макияжем вечно – рано или поздно я смою это все и стану той же Ирэн.

– Ну ты там скоро?! Не хочу опаздывать! – слышу недовольный крик Амелии и, опустив взгляд, покидаю ванную

Один день, просто один день побуду такой, какой хочет Амелия. Докажу ей, что никакой макияж не изменит меня. И она наконец опустит руки.

Правда ли я этого хочу?

Глава 9.

– У меня болит живот, и кажется, я заболела. Пойдем домой, план с мороженым не так плох.

– Прекрати ныть, – отрезает Амелия.

Желудок сворачивается от нервов. Просто не готова к таким мероприятиям. Не знаю, о чем говорить, петь не хочу, есть не смогу. И какой прок мне от этого? На Амелии легкое кремовое платье и туфли на шпильке – она так уверенно идет, выглядит роскошно. Если там будет еще три таких красивых девушки, то я буду той самой "страшненькой подружкой". Знаю, что Амелия никогда бы не потащила меня с подобным умыслом, но я сама все додумала.

– Ирэн, просто будь собой. Ты очень интересная собеседница, шутишь весело, и тебе есть чем поделиться с людьми. Они полюбят тебя также, как мы с Тишей и твои русские задроты, – говорит она, а я легко шлепаю ее по руке за последнее слово, но знаю – оно не носило оскорбительный характер.

Мы подошли к двери заведения, и я вытерла ладони о джинсы – они вспотели. Самое отвратное, что мы опаздываем на десять минут. Я не спешила выходить, и теперь, если все собралось, стоит нам зайти – все внимание обратится на нас. Надеюсь, Амелия возьмет весь удар на себя.

На стойке администратор любезно сообщает номер нашей комнаты, и мы идем туда. Амелия – уверенная и дерзкая, я – дитя, которого тащат к стоматологу.

Открываем дверь, и мои опасения оправдались: все собралось и сейчас смотрят на нас. Три девушки и пять мужчин – все не похожи друг на друга, но такие красивые. Всегда удивлялась, как красивые люди к тридцати годам могут оставаться свободными. Хотя, может, они, как и я, вышли из отношений и дают себе второй шанс.

– Простите за опоздание, – говорит Амелия и закрывает за нами дверь. Как же спокойно она держится – будто рыба в воде.

– Все нормально, нам как раз только аппаратуру настроили, – первым откликается высокий мужчина с густой темной бородой. Совсем не мой типаж. Но судя по его глазам, смотрящим на Амелию, я не его тоже.

Осматриваю стол и понимаю, что опоздание стоило мне еще одной проблемы: одно свободное место рядом с девушками, другое – с мужчинами. Значит, не смогу сидеть рядом с Амелией. Но моя подруга не была бы ею, если бы не знала меня как облупленную. Она садится рядом с мужчиной, закинув ногу на ногу, позволяя мне хоть немного расслабиться рядом с незнакомой очаровательной девушкой.

– Давайте все по кругу представимся и расскажем пару фактов о себе. Это будет неплохим стартом, – бодро сказала афро-американская девушка. Она мне чем-то напомнила Тишу – не только цветом кожи, скорее подачей. Такая яркая и веселая, улыбается широко. У этой девушки, которая представилась как Рианна (имя, которое я, скорее всего, забуду через некоторое время), длинные черные косички и широкий нос. Но, глядя на нее, я невольно улыбаюсь – она взяла на себя все управление этим мероприятием.

Не только мне неловко – вижу, что еще одна девушка довольно застенчива, и двое мужчин не спешат раскрываться. Может, этот вечер и правда будет не так плох?

– Меня зовут Ирэн. Работаю тимлидом, занимаемся продажами курсов по программированию. Люблю читать и играть в игры, – мое представление звучит довольно скромно после всех. Я представилась последней и не придумала за это время ничего лучше.

– И какие же книги тебе нравится читать, Ирэн? – интересуется парень напротив меня. Его имени я не знаю, потому что прослушала, как и имена большинства. Он сидит, но вижу, что здесь самый высокий – кожа такая же бледная, как у меня, каштановые волосы едва достают плеч, а темно-серые глаза устремлены на меня. У него красивая улыбка, и тоже есть родинка под левым глазом, прямо как у Адама.

– В основном романы, но иногда могу прочесть и фэнтези, – отвечаю, опуская взгляд. Замечаю его длинные тонкие пальцы с большим количеством колец и черные ногти. Ничего не имею против, но не фанатею от такого. Если так подумать, ни один из присутствующих не импонирует мне. Звучит так, будто я слишком высокого мнения о себе, но мир книг сильно размыл представление об идеальном мужчине.

– Тоже люблю читать, но в последнее время совсем нет на это времени. Работа сжирает его полностью, – вздыхает рядом со мной рыжая девушка, откинув волосы назад, и притягивает к себе меню. – Давайте что-нибудь закажем. За горячительными напитками знакомство пойдет бодрее.

Это уже не совсем моя тема. Не то чтобы я совсем не пью – могу иногда пригубить, но точно не в компании незнакомцев. Мы начинаем делать заказ: в основном все берут напитки, некоторые заказывают и закуски, но плотно есть явно никто не будет. Жаль, я безумно голодная – спасибо Амелии. В итоге заказываю себе стакан сока и пару бруске́т с лососем. Хотя бы так заморю червячка, а потом уже дома от души поем.

– Я хочу первая спеть. Кто со мной? – Рианна хватается оба микрофона: один прижимает к себе, второй держит на вытянутой руке. Мужчина с бородой не удерживается и берет второй микрофон, хотя на знакомстве вел себя довольно скромно. Эта девушка кого хочешь взбодрит – но, конечно, не меня. Я ни за что не буду петь.

Справедливости ради, эти двое тоже не великие певцы, но им весело, и другие тоже улыбаются. Царит здоровая атмосфера, и я немного расслабляюсь. Амелия, которая явно постоянно наблюдает за мной, переживая, что я захочу встать и уйти, тоже легко улыбается мне.

Она оказалась права – все не так уж и плохо. Конечно, я не уйду отсюда с потенциальным парнем, но впервые за много лет проведу свой досуг иначе. Может, это и неплохо?

– И мы так сильно паникуем, что переворачиваемся вместе с лодкой и всем нашим уловом! Вернулся я домой ни с чем, – заканчивает свой рассказ мужчина с коротким ежиком на

голове, и все начинают смеяться. Я тоже улыбаюсь, но потому что прослушала часть истории, думая о том, что можно съесть еще. Обе брускетты провалились в меня и исчезли, как в черной дыре, словно не дойдя до желудка.

Мы сидим здесь больше часа. Все, кроме меня и еще одной девушки, немало выпили, но вели себя все равно прилично – никто ни к кому не приставал. Я лишь изредка общалась с девушкой, что сидела рядом, и то – рядовыми фразами. В остальном ни с кем коннекта так и не случилось, поэтому мне уже хотелось уйти домой. Но я заказала еще пару брускетт, чтобы посидеть хотя бы полчаса и не расстраивать Амелию, которая пересела к художавому парню. Кажется, они нашли общую тему – давно ведут этот диалог тет-а-тет.

Видю, что иногда со мной хочет заговорить парень с кольцами, но я ловко переключаюсь на соседку. Понимаю, я пришла на вечер знакомств, и для них странно, что в итоге избегаю общения с противоположным полом. Но они же не знают, что меня буквально уломали сюда прийти.

Чувствую вибрацию телефона и достаю его из кармана.

Тиша: Надеюсь вечер проходит хорошо? Немного переживаю

И далее куча смайликов с цветочками и сердечками. Она всегда так пишет. Дай ей волю и она будет общаться только смайликами и картинками.

Ирэн: Все нормально, но я уже немного утомилась. Слишком шумно.

Тиша: Кто-то понравился тебе?

Ирэн: Брускетта с лососем была очень вкусной.

Тиша: Ну Ирэн!!!

И теперь куча плачущих смайликов. Я с улыбкой закатываю глаза и убираю телефон. Разведчица фигова, пусть теперь помучается. Все таки она вместе с Амелией меня сюда и затащила.

Администратор приносит еще напитки и мои брускетты. Никто из компании больше ничего не заказывал, но я заметила, что все смотрят либо в экран, либо на тех, кто общается. Значит, могу вполне незаметно поесть. По крайней мере, мне так казалось.

– А ты не думала внести в жизнь и спорт? – вдруг спрашивает у меня тощий парень, который все это время сидел с Амелией.

– Что? – растерянно спрашиваю, так и не донеся до рта брускетту. Амелия тоже изумленно смотрит на него, будто не ожидала, что он заговорит со мной.

– Ну, знаешь, у тебя сидячая работа и хобби. А активность поможет тебе... – он замолкает, все еще стараясь подобрать слова.

– Поможет мне в чем? – спрашиваю грубее, чем хотела, но ничего не могу с собой поделаться. Терпеть не могу непрошенные советы. Будто я и так не знаю очевидного. Бросаю брускетту на тарелку – аппетит пропал.

– Ну, ты знаешь, о чем я, – говорит он и улыбается, будто показывая, что не хочет меня обижать. Так зачем вообще было начинать этот разговор?

– Кайл, утомонись, – недовольно одергивает его Амелия, но момент упущен. Теперь меня начинает тошнить.

– В этих брускеттах, кстати, много калорий. Здесь есть очень вкусный салат, а главное – легкий, – включается в диалог бородатый, начиная раскрывать меню и показывать, что лучше заказать.

Внезапно ко мне проявляют слишком много внимания – того, что терпеть не могу. Здесь становится невозможно душно. Нервно провожу ладонью по шее, всем видом показывая, что не хочу обсуждать эту тему.

– Ой, я лишний раз в сторону хлеба даже дышать не хочу. Так легко приходят эти килограммы, потом замучаешься избавляться, – вписывается в увлекательную тему и моя рыжая соседка.

Ну конечно. Продолжайте, будто я сидела и мечтала, чтобы все здесь обсуждали мой вес.

– Если пить много воды, то желудок будет всегда полный, и аппетит снизится, – продолжает кто-то из компании, и я сжимаю руки под столом. Они дрожат.

– По сути, можно есть что хочешь, если внести в жизнь достаточно спорта, – добавляет бородастый, и я еще сильнее впиваюсь пальцами в колени.

– А я как-то даже курить начала, лишь бы есть меньше. И посмотрите – в теле ни грамма жира, но есть дурацкая привычка, – смеется рыжая, и все поддерживают ее смешком.

– По тебе и не скажешь, что у тебя были проблемы с весом, – говорит Кайл, и я уже не слышу ответа.

Хотелось просто встать и уйти, но это привлечет слишком много внимания. Не хочу, чтобы они знали, что это задевает меня. Да, я полная. Да, я не красавица. Но это мое дело. Я не заставляю себя любить, не заставляю встречаться, даже не даю касаться – и все равно все свелось к этому.

Впиваюсь пальцами в свои ноги, потому что чувствую, что хочу заплакать. Такого удовольствия я им точно не доставлю.

– Ирэн очень красиво рисует, – вдруг говорит Амелия, останавливая ненавистную мне тему. – Причем это не какой-то дар. Она рисует очень много лет и трудом достигла больших высот. О, следующую песню пою я, Джейн, давай со мной!

Они встают с моей соседкой, хватаясь за микрофоны. Тема закрыта, все сосредоточились на их пении, но я все равно хочу уйти.

– А что ты рисуешь? – вдруг спрашивает парень напротив, имя которого так и не прозвучало в этой компании. Он снова улыбается мне, подперев щеку рукой. Его радужка едва светлее зрачка – никогда не видела такой темно-серый цвет глаз. Почему-то от них немного не по себе, хотя он единственный, если не считать Амелию, кто не принимал участия в советах.

– Людей. Мне нравится рисовать в реализме, – отвечаю спокойно, но мой голос предательски дрогнул. Хочется улыбнуться и показать, что все нормально, но ничего не нормально. У меня нет настроения вести светскую беседу.

Поднимаю взгляд на Амелию, но она увлечена пением. Может уйти без нее? Но правильно ли так поступать?

– У меня брат фитнес-тренер, могу попросить его, и он пропишет тебе план тренировок. Посмотри на меня – это и есть здоровое отношение к своему телу, – снова вклинивается Кайл.

Что на него смотреть? Просто тощий – ветер подует, и его унесет. Да, парень с кольцами тоже худой, но видно через кофту, что он жилистый. При этом он мне ничего подобного не говорит.

– Спасибо, но я не просила совета, – отвечаю Кайлу, стараясь сохранить спокойствие. – И мне не нужны тренировки.

– Не переживай, это бесплатно. Зато как похудеешь, точно будешь красоткой. Личико-то у тебя симпатичное, просто лишний вес все портит, – говорит Кайл с такой уверенностью, будто я должна прыгать от радости, что мое "уродство" можно исправить похудением.

Амелия не слышит его – иначе точно отдернула бы. Нервно нащупываю сумку, решая, что мне все-таки нужно уйти отсюда. Просто не выдерживаю такого морального давления. Плевать, что они подумают. Никого из них я больше не увижу, а Амелия поймет, что это была плохая идея.

Нужно просто встать и уйти. Встать и уйти.

– Ну давай, решайся. Я могу...

Резко распахивается дверь в нашу комнатку и с грохотом ударяется о стену. Все поднимают взгляд, и я не исключение. Но, увидев вошедшего, мои глаза так распахиваются, что, того гляди, вывалятся – и даже очки их не удержат.

Адам стоит в дверях, тяжело дыша. Его щеки покраснели, волосы, как всегда, взъерошены. Он явно бежал сюда. Но зачем?

– Ирэн, мы уходим, – вдруг говорит он, отчего все впадают в еще большую растерянность. А я...

Адам улыбается, показывая свои очаровательные ямочки, и я понимаю: он здесь, чтобы спасти меня. Не знаю, что это за чертова магия, но он почувствовал, как мне здесь некомфортно, как сильно я хочу убраться отсюда – и забирает меня.

Встаю, удерживая сумку, и, не прощаясь, вылетаю из комнаты. Слышу, как он закрывает за мной дверь. Но не спешу выходить из здания – глубоко дышу, будто это я бежала сюда сломя голову, а не он.

Его появление так впечатлило меня. Я была в отчаянии, а он словно луч света развеял его. Адам будто и правда мой спаситель, пришедший, чтобы что-то изменить. Починить то, что давно сломалось во мне.

– Давай, я провожу тебя до дома, – мягко говорит он, обходя меня. Все так же не касается, хотя видела, как его рука дернулась ко мне. Он продолжает держать дистанцию, за что я ему очень благодарна.

– Да, пойдем, – тихо соглашаюсь.

Вместе с Адамом покидаю это место. И правда, мой темный принц освещает мне путь. Не знаю, как и почему, но он всегда появляется, когда мне хуже всего. Может, он и правда связан со мной? Может, он и правда существует только для того, чтобы помочь мне исполнить мое желание?

Мы идем в полной тишине. Если бы Адама не было, наверное, домой поехала бы на такси. Он идет наравне со мной, но я смотрю себе под ноги, поэтому даже не знаю, какое у него выражение лица, о чем он думает, куда смотрит – и не хочет ли на самом деле свалить.

На языке вертится множество вопросов, но если я заговорю с ним, то не смогу быстро распрощаться у дома. А если задержусь с ним, то точно рискую сдать себя и поверить в эту его историю. Тиша была бы счастлива, если бы я поверила в чудо, о котором она постоянно верещит.

Мой телефон в кармане вибрирует, но мне не хочется ни с кем сейчас говорить. Хорошо, что перед караоке я поставила его на беззвучный режим.

– Почему ты не ушла оттуда сразу? Тебе ведь было некомфортно, – вдруг говорит Адам.

Прекрасно. Он заговорил сам. Я все же поднимаю на него взгляд и вижу его озадаченность. Адам немного хмурится, и на лбу образовалась складка.

– Поначалу все было не так уж плохо. Я пыталась дать шанс этому мероприятию. Но в итоге оно оказалось именно таким, каким я его представляла изначально, – отвечаю, пожимая плечами.

– Что тебя так встревожило в конце? Я чувствовал, что ты все это время была как не в своей тарелке. Но под конец... – он говорит это таким серьезным тоном, что на мгновение растерялась. – Как почувствовал, так сразу перешел на бег. Мне показалось, что я нужен тебе.

Ну ничего себе заявление.

– Интересно, с чего ты сделал такие выводы, – недовольно проворчала. Ведь я не думала о нем, а только о том, как бы поскорее свалить. – Я просто утомилась и хотела уйти. А переживала, потому что меня просили задержаться.

Конечно же, я вру. Потому что правда слишком стыдная для меня. Адам может поддерживать их высказывания, а мне совсем не хочется слушать это вновь. И по его лицу вижу, что он не верит в мою ложь, но оставляет свои комментарии при себе.

Мне нравится, что он такой понятливый. Не давит, не требует правды, не пытается меня разоблачить. Просто идет рядом. И этого достаточно. Достаточно, чтобы я почувствовала себя немного безопаснее. Достаточно, чтобы я захотела остаться рядом с ним еще немного.

– Значит, ты чувствуешь то, что чувствую я? – не хотела обсуждать ничего подобного, но в итоге сама задаю вопрос на эту тему. Мне правда интересно – ведь он не в первый раз говорит об этом.

– Не совсем. Скорее, я чувствую яркий всплеск твоих эмоций, не всегда понимаю, что это означает. Я еще не до конца тебя понимаю, но работаю над этим, – отвечает он, и я невольно улыбаюсь.

– Когда будешь следить за мной? – уточняю, поднимая бровь.

– Когда ты так говоришь, я чувствую себя каким-то маньяком, – смеется он, и я не могу сдержаться.

– Ты и есть маньяк! – заявляю, и мы оба останавливаемся, смотря друг другу в глаза, а затем начинаем смеяться.

Чувствую такое внезапное облегчение – и совсем не переживаю, что наружу вырвался мой смех гиены. Как бы я ни опасалась многих людей, этот человек совсем не вызывает у меня тревоги, даже с учетом того, что он появляется там, где его совсем не ждут. Если он и правда маньяк, то, наверное, даже не так грустно, если мою никчемную жизнь заберет такой красивый и светлый человек.

Наш смех прерывает завывание кита, выброшенного на берег. Но так как рядом с нами нет ни берега, ни кита, я понимаю, что это мой живот – и он тоже это понимает. И снова спасибо Амелии – если бы я нормально поела дома, то избежала бы многих проблем сегодня.

– Ты голодная? Можем перехватить что-нибудь по пути, – предлагает он с лукавой улыбкой, сунув руки в карманы, и вновь двинулся вперед. Теперь уже я поравнялась с ним, не пряча свой взгляд.

– Есть на ночь вредно, – бормочу, но он только фыркает.

– Кто это сказал? Покажи мне его, и я съем перед ним ведро острых крылышек самой глубокой ночью, – заявляет он, и я снова рассмеялась, поправив съехавшие очки.

Знаю, что он говорит все это, чтобы подбодрить меня – и у него это прекрасно получается. Мы останавливаемся у уличного ларька, где продаются различные сэндвичи. Адам сам берет два сэндвича со свининой и сам же расплачивается. Протягивает один мне, а от второго откусывает большой кусок, совершенно не переживая за лишние калории. Хотя не похоже, что в его теле они вообще есть.

– Мне казалось, ты говорил, что у тебя кончились деньги, – говорю я и тоже откусываю. Боже, как же это вкусно. Такой сочный и насыщенный. Еда, я люблю тебя!

– Да, поэтому я стал подрабатывать. Люди охотно прощаются со своими деньгами, когда им в чем-то помогаешь, – отвечает он, и я прищуриваюсь.

– Эй, ты же не делаешь что-то незаконное? – если он связан с чем-то таким, то связываться с ним точно не хочу. Потом проблем не оберешься, как в каком-нибудь романе про мафию. Читать такое люблю, но оказаться в подобной ситуации точно не хотела бы.

– Хм, даже не знаю. Помочь вынести строительный мусор считается незаконным? – спрашивает он довольно невинно, но в итоге усмехается, будто показывает, что и без меня прекрасно знает, как нужно честно жить. Как вообще человек, не имеющий прошлого, может это знать? На заводе по изготовлению чудес это базовые настройки? Почему тогда обычным людям такое не дают? Приходится полжизни учиться оплачивать счета, готовить и как правильно найти работу, чтобы на тебе не ездили.

– Адам, ты слишком хороший для этого мира. И да, я говорю это, совсем не зная тебя. Но мне так кажется, – признаюсь, и он улыбается.

– Я могу считать это комплиментом?

– Считай, что это констатацией факта, – и вновь откусываю кусок, но уже побольше. Перед Адамом даже есть не стыдно – он не смотрит в рот и не дает непрошенных советов, да и сам уже практически расправился со своим сэндвичем.

– Как девушка, живущая миром книг, может быть настолько неромантической? – тянет он это с каким-то недовольством, и я вновь отмечаю, что он знает слишком много.

– В реальной жизни не бывает как в книгах. И мы с тобой не на свидании. Ты провожаешь меня до дома после не самой удачной посиделки, – напоминаю ему, но он вдруг задает вопрос, от которого я чуть не подавилась:

– А ты хотела бы, чтобы было свидание? – он смотрит на меня своим непроницаемым взглядом, и я смущенно уставилась на него, пытаюсь понять, шутит ли он.

– Дурак, – бормочу я и ускоряюсь, чтобы не идти с ним наравне, чтобы не показать, что его вопрос заставил меня приятно волноваться.

– А вот этот уже точно не комплимент! – смеется он, догоняя меня.

– Все еще констатация факта, – тихо усмехаюсь и кладу последний кусочек в рот, наконец-то нормально и вкусно поев. К счастью, Адам не повторяет свой вопрос – я бы опять его проигнорировала. Где это видано, чтобы такой, как Адам, и такая, как я, ходили на свидания? С его стороны это выглядело бы как благотворительность для ущербных.

Мы остановились у моего дома, но я не спешила уходить. Да и он, кажется, тоже. Стояли друг напротив друга: я смотрела вниз, а всем нутром чувствовала, что он смотрит на меня.

– Как ты хочешь помочь мне измениться? – все же спрашиваю, не понимая его взгляда. – Какой у тебя план? Просто выслушаю его глупый план и уйду – ведь прекрасно знаю, что тут ничего не поможет. Сегодняшняя ситуация наглядно это показала: люди видят то, что хотят, и прямо мне об этом говорят, а я ничего не хочу делать, чтобы изменить это.

– Не знаю, у меня нет плана, – отвечает он, и я все-таки поднимаю голову, уставившись на него во все глаза.

Серьезно? С таким подходом он хочет меня убедить? Да он шарлатан в мире мужчин, исполняющих желания! Как оформить возврат?

– Просто буду поступать, как чувствую. Ты же человек, а не прописанная программа. Никогда не знаешь, что ты выкинешь. Но поверь – я справлюсь. Мы вместе справимся, – улыбается он, показывая свои зубы и небольшие клыки, и я таю от его улыбки. Кажется, он уже прощупал, как легче всего ко мне подобраться. Мой мозг перестает функционировать, когда он такой.

Немного раздраженно выдыхаю и отворачиваюсь от этого гипнотизера. Пинаю камушек, хотя хочу так пнуть свою голову – потому что собираюсь принять самое глупое решение в жизни. Но мое желание не исполнится, если я так и продолжу прятаться. Я не начну жить, если не откажусь от обычного существования.

– Пойдем попьем чай и обсудим хоть какой-то план, хренов ты стратег, – бросаю это так небрежно и направляюсь в дом, хотя сама в итоге улыбаюсь. Пусть думает, что я все еще сопротивляюсь.

– И это снова не комплимент, – усмехается он, отправляясь следом за мной.

Но я улыбаюсь еще шире. Потому что впервые за долгое время я сама выбрала не убежать. А это уже шаг. Пусть маленький, пусть неуверенный – но шаг. И это важно. Важно, что я не осталась одна. Важно, что он здесь. Важно, что я позволила себе надеяться.

А надежда – это уже начало. Начало чего-то нового. Начало меня.

Глава 10.

Ставлю две чашки с чаем на стол и сажусь напротив Адама. С ума сойти – на моей кухне мужчина, и не абы какой, а самый сексуальный из всех, что я только видела. И самое главное

– копия моего темного принца. Время близится к десяти, но я совсем не смущена его присутствием. Вернее, смущена, но в другом смысле. Сложно объяснить, как можно ни с того ни с сего начать чувствовать себя с человеком в безопасности. Адам – олицетворение слова "комфорт", и, думаю, со мной согласится любая женщина.

Его руки обхватывают кружку, и он делает глоток, пристально смотря на меня. А я то и дело отвожу взгляд – не могу так долго держать зрительный контакт. Наверное, он это замечает, потому что его улыбка становится более открытой.

– Смешно тебе? – хмыкаю я, все еще не приступив к чаепитию.

– Прости. Забавно наблюдать, как ты беспалевно разглядываешь меня, – отвечает он, и в его голосе звучит легкая насмешка.

– От такой ослепляющей красоты глаза должны отдыхать, вот и отвожу, – в моем тоне звучит язвительность, но он издает тихий смешок и вновь отпивает чай.

Наконец и я берусь за ручку кружки, делая небольшой глоток.

– Так что по поводу плана? – он подается немного вперед, а в его зеленых глазах заплесали озорные искорки. Он что, дурачиться собрался? Ведь мы обсуждаем серьезные вещи.

– Это ты у меня спрашиваешь? Вообще-то это твоя миссия, а не моя. Я просто содействую тебе, – пожимаю плечами.

– Твоя правда. На самом деле я хотел бы узнать о тебе побольше, а там уже проще будет прийти к какому-то плану, – говорит он, и я чувствую, как внутри что-то сжимается.

– Я думала, ты знаешь обо мне все, – в моем голосе даже послышались нотки разочарования. Что это за чудо такое, если оно не всеведущее?

– Я знаю то, что лежит на поверхности. А мне нужно что-то глубже, – отвечает он, и я невольно хмурюсь.

– Копаться в моей душе собрался? Нет уж, работай с тем, что есть, – отрезаю я, и он тихо вздыхает.

Видимо, не самая легкая задачка. Если он сдастся и все бросит, я даже не удивлюсь. Но интересно, как далеко Адам сможет зайти. Интересно, сколько он готов вытерпеть от меня, прежде чем исчезнет. Или, может, он и правда не исчезнет? Может, он останется, даже если я не изменюсь?

– Надо решить, когда и как мы будем встречаться. А я придумаю, чем мы будем заниматься, – говорит Адам, откидываясь на спинку стула.

– Ты можешь остаться, – выпаливаю я так быстро, что мы, кажется, одинаково удивляемся сказанному. Чувствую, как на моих щеках появляется румянец, и прячу взгляд в кружке, разглядывая поверхность чая. – У меня есть диван, тебе негде остановиться. Это логично. Но если ты что-то не то сделаешь...

– Ирэн, я бы никогда не обидел тебя, – прерывает он меня мягко. – Я здесь не для этого. И твое предложение неожиданно, но очень удачное. Спать на скамейках не очень удобно, и частенько выгоняют.

– У тебя есть какие-то вещи? Мы можем забрать их и отнести сюда. Ты ведь переодевался, – предлагаю я, все еще не поднимая глаз.

– Да, мой рюкзак в месте, где я ночевал последние два дня. Можем завтра его забрать. Спасибо, Ирэн, – говорит он, и его пальцы барабают по столу. Я соглашусь на все, если он будет предлагать мне с этой улыбкой. Хочется пальцами коснуться его ямочек, но я никогда не решусь нарушить чье-то личное пространство, так как сама бы этого не оценила.

– Но я работаю с самого утра, много говорить приходится. И частенько играю допоздна, так что я не лучший сожитель. А еще я совсем не готовлю. И не знаю, храплю ли я или нет, давно ни с кем не ночевала в одной комнате, – загибаю пальцы, чтобы наглядно показать ему, как будет тяжело и некомфортно. Но уже по бойкому взгляду вижу, что его это совсем не напугало. Непробиваемый.

– Я сам умею готовить... Вернее, мне так кажется, за эти дни не приходилось пробовать. Могу приготовить завтрак, и мы в этом убедимся, – улыбается он, и я не могу сдержать улыбку в ответ.

– Было бы из чего, я не покупаю продукты. Но подумаю над твоим предложением. Если это правда, то сэкономит мои деньги, и так ты сможешь компенсировать свое проживание здесь, – для пущего эффекта поправляю очки.

– Договорились, меня это устраивает, – отвечает он, и его улыбка становится еще шире. И я тоже не могу сдержаться.

Не знала, что улыбка может быть настолько заразительно.

Мы вместе выпили чай, кружки я бросила в раковину – пусть постоят до утра – и повела Адама в свою комнату. Стало неловко за беспорядок, но я уже смирилась с тем, что он увидит многое неопрятное во мне. Хотя если бы знала, что приведу его сегодня домой, то точно бы прибралась.

Но он не замечает ни разбросанных вещей, ни кучи кружек на столе. Вместо этого он берет со стола мой рисунок. Мое сердце делает кульбит. Подруги видели мои рисунки, но сейчас словно заглянули во что-то очень личное. Ведь на рисунке он видит себя.

Адам поворачивается ко мне, и во взгляде я читаю вопрос: "Почему я?"

– Не подумай ничего такого, но я рисую тебя... лет с шести. Не знаю, как так вышло. Давай тоже отнесем это к чуду, – открываю стол и достаю папку со всеми рисунками темного принца, показываю их ему.

Конечно, самые первые рисунки больше похожи на возню, и там он не узнает себя. Но начиная с десяти лет рисунки становятся более аккуратными. Адам молча рассматривает их, так внимательно, что мне становится еще более неловко.

– В детстве я говорила, что это темный принц из Мрачного Королевства. Не знаю, откуда это пошло, но я рисую его каждый год. Поэтому я так бурно реагировала на нашей первой встрече. Ты один в один он, – объясняю я, наблюдая за его реакцией.

Молчание. Он вновь разглядывает самый свежий рисунок. Будет ложью, если я скажу, что последний рисунок не вдохновлялся его образом. Ведь он может увидеть, что раньше не было родинки и крапинок в глазах. Но он ничего не говорит по этому поводу, лишь выдает ласковое

– Спасибо. Это очень красиво.

– Считаю, что сделал комплимент сам себе. Ведь это ты очень красивый. Это, кстати, констатация факта, – тихо усмехаюсь и, собирая рисунки обратно в папку, наблюдаю, как он продолжает разглядывать рисунок в рамке.

– Почему ты не выкладываешь свои работы? Не буду говорить, что у тебя талант. Я наглядно увидел, что это многолетний труд. Это должны увидеть другие, тебе нужно развиваться в этом, – говорит он, и я пожимаю плечами.

– Творчество не прокормит. Да и я слишком нерешительна для подобного. Мне нравится рисовать в стол. Пусть так и остается.

Адам недовольно поджимает губы, но, как и всегда, не настаивает. Мне очень нравится эта его черта. Вот бы Амелии поучиться. Он отходит от стола, а я пока убираю папку, а затем начинаю собирать кружки со стола, чтобы сделать хотя бы иллюзию порядка.

– Нет ничего невозможного для того, кто пробует, – раздается за моей спиной.

Я оборачиваюсь и смотрю на него, прижимая к себе кружки, а он снова одаривает меня теплой весенней улыбкой.

– Так Македонский говорил, – добавляет он.

– У тебя с собой сборник цитат? Можешь поставить в статус, – фыркаю я и отправляюсь на кухню, но сама думаю о том, что это хорошая цитата. Может, она не сильно меня вдох-

новляет, но в его устах звучала мотивирующе. Или это опять эта проклятая очаровательная и самая красивая улыбка.

Поставив все кружки в раковину, я тихо выдыхаю и нервно провожу рукой по уже завитым волосам. Кажется, я сошла с ума, раз привела сюда малознакомого мужчину, так еще и предложила ему ночлег. Если подруги узнают, назовут меня сумасшедшей, а мама бы сразу начала спрашивать, когда внуки.

Постучав легко кулачком по лбу, я пошла обратно в комнату.

– Ты не оценила Македонского, потому что он не писал порно? – Адам спрашивает это с усмешкой, держа в руках одну из моих книг. И не абы какую, а одну из книг Л. Дж. Шэн. Не скажу, что я огромный фанат постельных сцен, но она пишет их достаточно интересно, да и сюжет в ее книгах всегда есть. Но я все равно заливаюсь краской, будто он нашел у меня какие-то дарк романы, которые я не читаю.

Подходя к нему, я тут же забираю книгу, ставя ее на место.

– В ней есть сюжет, ты просто попал на такую страницу, – огрызаюсь я, хотя справедливости ради там много таких страниц.

Пробегаюсь взглядом по своей библиотеке и достаю книгу Софи Анри, моего любимого Принца Ардена, и пихаю ему в руки.

– Если уж хочешь почитать, то начни с этого.

Он открывает книгу и хмуро смотрит на страницу, так быстро листает. Как он оценит ее содержание?

– Тут нет английского, – выдает он, и я хлопаю себя ладонью по лицу. Так привыкла жить на две страны, что совсем не подумала об этом. Значит, он не знает русского, поэтому и начал сразу называть меня Ирэн, а не Ирой.

– Сочувствую. И вообще, мы собираемся спать. Я слишком устала сегодня, – забираю у него и эту книгу, ставя ее на полку.

А затем подхожу к шкафу, думая, что дать ему. Запасных одеял у меня, конечно, нет, а подушку могу дать одну из своих. Достаю чистое постельное белье и решаю выделить ему хотя бы покрывало.

Сама стелю ему на диване, пока он осматривает мою комнату, а затем смотрю на него.

– Мне нечего дать тебе переодеться. Мои футболки в плечах будут тебе узкие.

– Я могу и без, – спокойно говорит он и скидывает свою футболку.

Вы когда-нибудь слышали ангельское пение? Думаю, я услышала его в этот момент, уставившись на его тело, даже не моргая. Мне казалось, такие идеальные парни бывают только в книгах, но вот он – стоит прямо передо мной. Словно античная статуя, но в цвете и явно более приятная на ощупь. У него даже кубики есть. Господи, помоги.

– Как тебе будет удобно, – пытаюсь сказать невозмутимо, но в итоге отворачиваюсь. Я же взрослая, меня не должно подобное смущать. Но, видимо, слишком давно живу жизнью затворника – отвыкла от людей, тем более от таких. Беру свои домашние штаны и футболку и быстро удаляюсь в ванную, чтобы переодеться. Там еще умываюсь холодной водой, чтобы смыть макияж и немного остудить голову. Боже, какой же он красивый. Убереги мою дурную голову. Если я хотя бы подумаю влюбиться в него, мне конец.

Выхожу из ванной, смотря куда угодно, но только не на него. Но боковым зрением замечаю, что он уже улегся на диван. На стуле лежат его футболка и джинсы. Господи боже!

Выключаю свет и забираюсь в свою кровать, поворачиваясь к нему спиной. Наверное, этой ночью не смогу заснуть – буду слишком напряжена. И о чем я только думала? Глупая Ирэн.

– Доброй ночи, Ирэн, – как же мягко он это говорит, что я сразу начинаю улыбаться, скорее всего, как дура. Но этого никто не видит.

– Спокойной ночи, Адам. Надеюсь, ты не храпишь, – ну не могла я просто пожелать ему добрых снов, мне надо было сказать нечто подобное.

Но он издает смешок, и я слышу, как он переворачивается:

– Вот и проверим, кто из нас храпит..

Поверь, ты этого не услышишь, ведь сегодня я точно не усну.

Второй день подряд меня будит дурацкий звонок в дверь. Надо отключить его, ведь я не жду никаких гостей. Во мне столько раздражения – опять не могу нормально поспать в свой выходной. Надеюсь, это ошибка, и сейчас просто перестанут звонить.

Но нет – в дверь так настойчиво звонят, словно ее вышибут, если я не открою. Встаю с кровати, натягиваю халат и иду к двери, с трудом подавляя зевок. Открываю – и вижу их двоих: раздраженную Амелию и чуть ли не плачущую Тишу.

– Ты не покончила с собой! – кричит Тиша и кидается ко мне, крепко обнимая и тихо всхлипывая.

Мой мозг не может сейчас соединить их приход и попытку суицида, которая точно не планировалась. Сонно и растерянно смотрю на Амелию, но она просто заходит, закрывая за собой дверь.

– Вчера все прошло не очень хорошо. Мы писали и звонили тебе весь вечер и утром пробовали, но ты игнорировала нас. Тиша, конечно, надумала все самое худшее, – объясняет Амелия, буквально буравя меня тяжелым взглядом карих глаз, а затем хлопает Тишу по макушке, как бы успокаивая ее.

С трудом отлепливаю от себя подругу – она ведь знает, что я не люблю объятия, но Тиша продолжает висеть на мне.

– Простите, я выключила звук еще перед караоке. Вернулась домой и легла спать. Не думала, что вы так быстро поднимете панику, – говорю я, чувствуя вину.

– Не делай так больше никогда. Люди могут всякого натворить, когда подавлены, – лепечет Тиша, утирая слезы. Она и правда плакала. Теперь еще более неловко. Ведь я чувствовала вибрацию телефона – нужно было сообщить, что все в порядке.

– Прости, больше так не буду, – клятвенно обещаю.

Амелия цыкает и по-хозяйски идет в сторону кухни, явно чтобы выпить кофе, раз уж они завалились ко мне с утра пораньше. Но замирает в проходе у комнаты. Тиша спешит за ней, но останавливается там же.

– Ну чего встали? – ворчу я, подходя к ним, а затем, кажется, бледнею.

Как я могла забыть про это "чудо" на моем диване? Покрывало сползло, и он наглядно продемонстрировал моим подругам, что находится в своей лучшей форме. И утром у него тоже все прекрасно работает. Господи, спасибо тому человеку, который придумал трусы. И как он не проснулся от такого шума? Мне бы такой крепкий сон.

Толкаю обеих в спины, чтобы они шли дальше на кухню, и понимаю, что меня ждет допрос с пристрастием.

– Это же тот тип, что забрал тебя с караоке? – выпаливает Амелия, развернувшись ко мне.

– И тот, которого ты постоянно рисуешь. Он выловил тебя у метро? – подхватывает Тиша.

Чувствую ужасное давление с их стороны. Поднимаю взгляд к потолку и прошу у всевышнего силы пережить этот допрос.

– Сядьте уже, я сделаю кофе. И не шумите, – тихо бурчу, отворачиваясь от них и включая чайник.

Но чувствую, как в мою спину вперились две пары глаз. А что я им скажу? Нет, Тиша, конечно, порадуеться и скажет, что она оказалась права, а Амелия предложит вызвать дурку или полицию.

– Так ты загадала, чтобы принц с твоих рисунков ожил? – разрушает прекрасную тишину Тиша, и я роняю ложку, которой собиралась насыпать кофе.

– Мне, по-твоему, пять лет? – фыркаю я. – Неважно, что я загадала. Он здесь, чтобы помочь мне исполнить желание. Потом исчезнет, по крайней мере, он так говорит.

– Ты впустила в квартиру типа, который заявляет, что исполняет желания? Да, тебе точно пять, – фыркает Амелия, и я слышу, как она чиркает зажигалкой и открывает окно. Я бы и сама сейчас закурила, если бы имела подобную привычку.

– Не говори так, – мягко одергивает ее Тиша. – Она следует за чудом, тебе бы тоже не помешало.

– Я такой ерундой не страдаю. Надо обратиться в полицию, пусть проверят его, – твердо заявляет Амелия.

Таки полиция победила, даже немного приятно.

– А тебя следом в дурдом. И Тишу для профилактики. – а вот и дурдом подоспел. Ставлю три чашки с кофе на стол и сажусь напротив девочек, которые продолжают пристально смотреть на меня. Тиша кажется еще и не моргает. Ох, уж мне эти пронзительные серые глаза, которые вытаскиваю всю подноготную наружу.

– Я знаю, что это глупо, – признаюсь, смотря в кружку, чтобы не увидеть осуждения. – Но мне правда захотелось поверить. У него нет прошлого, есть только одна цель – помочь мне. Всегда оказывается там, где мне нужен. Он чувствует, когда мне плохо. Много знает обо мне. И да, он просто копия моего рисунка. Плевать, что это нездоровая фигня. Я хочу верить ему. Вы можете говорить что угодно, но я с трудом решилась идти к исполнению моего желания. И вы либо поддержите меня, либо нет.

Выдыхаю. Не хотела говорить так грубо, но лучшая защита – это нападение.

Нерешительно поднимаю взгляд на девочек, а они улыбаются. Не с издевкой, а словно я дитя, которое не понимает, что они всегда будут на моей стороне. Наша дружба прошла огромную проверку годами и никогда не была даже близко к разрушению.

– Ирэн, – Тиша говорит так мягко и берет меня за руки. Ее кожа такая нежная, как она сама. – Мы всегда будем на твоей стороне, и это не странно. Я верю в чудеса и в то, что наши самые сокровенные желания должны сбываться. И если он был послан тебе, чтобы помочь, ты обязана использовать эту возможность. А мы будем рядом, чтобы все проконтролировать.

Моя замечательная Тиша, все-таки это один из самых прекрасных и светлых людей, что встречался на моем пути. Уверена, они бы подружились с Соней, так как очень похожи. Мужу Тише очень повезло с ней, надеюсь он ценит рядом с собой такой чудесного человека.

– А ты планируешь его трахнуть? – Амелия не была бы Амелией, если бы не разбавила такой милый момент.

– Амелия! – мы с Тишей одновременно одергиваем ее, переглядываемся и начинаем смеяться все втроем. Ведь я могла обсудить это с ними раньше и не мучиться эти дни. Хорошо, что рассказала сейчас. Перед глазами немного все размылось, так как в них появились слезы. Ничего не могу с собой поделать – я довольно сентиментальный человек. Однако делаю вид, что это из-за смеха.

– А у вас тут весело, – раздается голос за спиной.

Мы тут же смотрим в сторону и видим сонного Адама. Он стоит в одних джинсах, весь такой взъерошенный и домашний. Подруги начинают лыбиться как идиотки, а я раздраженно выдыхаю, махнув на него рукой:

– Не хочешь одеться?

– Вообще-то, я хотел бы принять душ, если можно, – отвечает он, не смущаясь.

– Возьми полотенце в шкафу. И оденься! – строго говорю я, но он только лукаво улыбается и смотрит только на меня, что странно – ведь напротив меня сидят мои красивые подруги. Одна только Амелия чего стоит – еще не упустила ни одного мужского взгляда. Видимо, он как-то привязан ко мне этими узами желания.

Он скрывается в комнате, взяв полотенце, а затем и в ванной.

– Так мой вопрос актуален. Ты собираешься его трахнуть? – снова спрашивает Амелия, не унимаясь.

– Нет, Амелия, не собираюсь, – раздражаюсь я и делаю глоток бодрящего кофе. – Мы, считай, коллеги. Или даже не так – он мой духовный наставник.

– Тогда я могу переспать с ним? – спрашивает она с вызовом.

– Что? Нет! – отвечаю быстрее, чем успеваю подумать.

Откуда это чувство собственности? Адам не принадлежит мне, мы связаны лишь моим желанием, а значит, он может быть с кем хочет. А с такой девушкой, как Амелия, он точно захочет быть. Но она улыбается мне улыбкой, которая говорит: "Я все вижу, а ты такая глупышка, отрицаешь это."

Ничего она не видит и не понимает. Тихо фыркаю и отвожу взгляд к окну. Пусть думает, что хочет. Тем более, у меня немного иные планы. Если я и правда смогу измениться, тогда признаюсь и самой себе, и Лехе. А там уж будь что будет.

– Кстати, скоро будет выставка цветов, – говорит Тиша, и в ее голосе сквозит надежда. – Очень хочу туда сходить. Может, сходим все вместе?

Я вздыхаю. Не хочу никуда больше ходить, но ей так сложно отказать.

– Тащи туда мужа, – фыркает Амелия, туша сигарету и наконец берясь за свой кофе, делая осторожный глоток, словно боясь обжечься. – Разве это не похоже больше на романтическое свидание?

– Джастин не сможет, у него работа, – отвечает Тиша. – И к тому же я хочу с вами. Мы очень давно никуда не ходили втроем. И хочу сделать фотографии. Пожалуйста, пожалуйста.

Знаю, для нее это важно. Тиша работает фотографом, часто снимает на свадьбах или других праздниках, но природу она любит фотографировать больше всего. У нее есть свой блог, где она делится фотографиями и рассказывает различные повседневные истории. Она довольно популярна, хоть темы ее блога мне совсем не близки, поэтому не смотрю его, пусть и подписана.

– Ладно, давайте сходим, – все-таки соглашаюсь я. – Но точной даты не говорю, как видите, я теперь живу не одна.

Тиша вновь вся светится, будто я пообещала возложить весь мир к ее ногам. Амелия немного морщит свой очаровательный нос, но все же соглашается провести с нами время. Знаю, что у Амелии есть еще подруги, и в целом у нее очень обширный круг общения, но все-таки с нами она проводит больше всего времени.

За их доброту меньшее, что я могу сделать, – это пойти и просто посмотреть на цветы.

Глава 11.

Подруг я отправила домой. Амелия обещала принести мужскую одежду от тех, кто ее оставлял, надеясь еще вернуться в постель к ней. Мы с Адамом отправляемся за его немногочисленными вещами в место, где он ночевал последние дни. Предложила вызвать ему такси, но он сказал, что идти недалеко. Странно, не могу вспомнить ни одной гостиницы в нашем районе. Но, возможно, я просто не обращала внимания.

Адам в таком хорошем настроении, словно сорвал джекпот. Идет, улыбается, разве что не подпрыгивает. Очень контрастирует рядом со мной – я обычно выгляжу угрюмо и недружелюбно, зато никто не подходит, чтобы что-нибудь спросить или навязать мне общение.

– От твоего счастливого вида немного подташнивает, – ворчу я, но на самом деле приятно видеть такого светлого человека. Неужели ему в жизни так мало нужно?

– Жаль, не захватили с собой пакетов, тебе придется потерпеть, – бодро отвечает он, совсем не восприняв мою колкость. Ну ничего, еще пара-тройка дней, и он сбежит от меня, назвав абсолютно безнадежным случаем.

Убираю руки в карманы толстовки и кошусь на него. Какой же он высокий. Не скажу, что я какая-то маленькая – мой рост для девушки вполне нормальный, сто шестьдесят семь сантиметров, но он точно намного выше. Может, даже метра два.

– Какой у тебя рост? – спрашиваю прямо в лоб.

– Шесть футов и три дюйма, – не задумываясь отвечает он, словно у него каждый день об этом спрашивают. Я слегка киваю – была близка к истине, просто чуть-чуть преувеличила.

– С ума сойти. А в этом вашем агентстве по чудам все такие высокие? – спрашиваю с сарказмом.

– Каком агентстве? – он вскидывает бровь, наконец посмотрев на меня немного свысока. Чувствую себя школьницей, но продолжаю упрямо пялиться на него.

– Это был сарказм. Ответ на мой вопрос, – требую я.

– Думаю, мой внешний вид, включая рост, зависит от твоих предпочтений. Получается, тебе нравятся высокие, – говорит он, и мне кажется, я немного оскорбилась от этого заявления.

Ведь это не так. Вернее, частично – книжные персонажи чаще всего описываются высокими, но Леха не высокий, и мне кажется, так намного комфортнее. Тихо хмыкаю и слегка пихаю его локтем:

– Ты здесь для того, чтобы помогать мне, а не для того, чтобы нравиться.

– Твоя правда, но ты охотнее будешь слушать меня, если визуально я буду нравиться тебе, – отвечает он, и я закатываю глаза. Нет, ну каков наглец – заявляет мне такое прямо в лицо и не стесняется.

– Это видел? – показываю ему средний палец, по всем лучшим заветам Амелии.

Он перехватывает мой палец и склоняется ко мне ниже, с наглой ухмылкой:

– Какая наглая девочка, нужно тебя наказать.

Я даже останавливаюсь, смотря на него, а затем свободной ладонью кладу на его лицо и отодвигаю от себя:

– Адам, ты ночью мои книги перечитал? Не бери их больше в руки.

Он громко рассмеялся, отпустив меня, и пошел дальше. Не могу сдержать улыбку, быстро нагнав его. Надо бы поработать над защитой, потому что когда он так смеется, я готова закрыть глаза на все и жить с ним до конца дней своих. Но чем быстрее я приду к исполнению желания, тем скорее он свалит.

Мы продолжаем идти по знакомым улицам, пока не сворачиваем в какой-то безлюдный закоулок. Может, еще неделю назад я бы сильно переживала, но сейчас спокойно иду за ним. И откуда взялось это безоговорочное доверие? Ничто не мешает ему сделать со мной свои темные делишки прямо здесь. Только думается, что для этого ему потребовалась бы жертва посимпатичнее и поменьше.

– Это короткий путь до гостиницы? – спрашиваю, оглядываясь по сторонам. Другого объяснения у меня нет, зачем мы здесь.

– Я не говорил, что мы идем в гостиницу.

– Подожди, подожди. Ты говорил, что жил в гостинице

– О, это было лишь пару ночей, а потом у меня кончились деньги. Последние ночи я коротал не там.

– А где? – выпаливаю вопрос, но догадываюсь об ответе. Да и он долго не заставил ждать.

Мы заходим в переулок, где много лежаков, палаток и сооружений из подручных средств. А обитают здесь как раз бездомные. Я раскрываю рот, но затем быстро закрываю – вместе с

носом. Запашок здесь тот еще: куча немытых тел, мешки с мусором, запах алкоголя и безнужности.

– Ты жил с бомжами?! – тихо шиплю, хватая его за руку. Не хочу туда идти и его отпускать. Он что, из ума выжил? Нет, конечно, это не группа маньяков или людоедов, но все равно.

– О, они очаровательные люди. Предложили мне место за хот-дог. Знают много интересных историй и довольно смешные, – говорит он с такой улыбкой, словно не видит никакой проблемы.

– Ага, а вечером собираются на званый ужин и обсуждают политику.

– Почти, – улыбается он. – Тут часто делятся друг с другом тем, что найдут.

Я гневно взмахиваю руками, потому что мой сарказм он принял за чистую монету, а затем начинаю шлепать его по руке от переполняющих меня эмоций.

– Эй, да за что? – смеясь, спрашивает он и перехватывает мои руки. Очаровательный, но глупый засранец.

– Эти люди могли побить, ограбить тебя, а потом выкинуть в какую-нибудь канаву. И кто бы тебя искал, если ты даже не существуешь по документам? – шиплю я, но он только улыбается, будто я говорю какие-то пустяки.

– Ирэн, у меня нечего красть. И эти люди мне помогли. Перестань шипеть как еж и пойдем заберем мой рюкзак, – он подмигивает мне и, отпустив мои руки, целеустремленно идет по переулку.

Закатываю глаза и иду за ним, обхватив себя руками, будто боясь тут что-то подцепить. Не скажу, что я очень брезгливый человек, но здесь мне все равно некомфортно. Знаю, что разные обстоятельства могут загнать людей на улицу, никому этого не пожелаю, но большинство, кто оказался здесь, просто принимают такую судьбу и спиваются. Не могу испытывать к ним жалости.

Мы останавливаемся у порванного худенького матраса, на котором стоит рюкзак Адама. Не удивлюсь, если оттуда вытащили даже его сменные трусы.

– Бери уже и пошли быстрее, – тихо шиплю я, потому что рядом спит какой-то седой старичок, и мне не очень-то хочется будить его. Но, кажется, момент упущен, потому что я пошла сюда с этим дураком.

– Ральф, я пошел. Она впустила меня, – довольно говорит Адам, и я вновь уставилась на него во все глаза. Он что, всем рассказывает?

Старик быстро разворачивается и улыбается своей беззубой улыбкой. На вид он довольно добродушный и смотрит на Адама так, будто это его сын и он успешно устроился в компанию директором.

– Как я рад за тебя, мальчик мой. Жалко даже, что ты уходишь. Кто еще будет слушать старика? – говорит Ральф, и я чувствую, как внутри что-то сжимается.

– Я могу иногда навещать вас, мне не сложно, – предлагает Адам, и я неожиданно для себя чувствую, как внутри что-то протестует.

– Не сможешь! – выпаливаю я, и оба взгляда теперь обращены ко мне. Становится неловко, и я нервно поправляю очки, стараясь придумать объяснение своим словам.

– У нас будет много дел, будем очень загружены, – еле внятно бормочу я и опускаю взгляд. Как же хочется уйти поскорее отсюда.

– Так это и есть та самая девушка? – спрашивает старик, и Адам с довольной улыбкой кивает.

– Красавица какая, видно, что бойкая. Ты ее береги и желание исполни, ты обещал, – говорит Ральф, и я чувствую, как мои щеки горят.

Бойкая? Да, я бойкая. Но не настолько, чтобы не испытывать неловкости от этой ситуации.

– Да, Ральф, я не подведу!

Почему он так рьяно говорит это, словно отчитывается перед своим наставником? Почему в Адаме собралось столько странных книжных стереотипов? Если он скажет, что не пожалеет для этого ничего, то я оставлю его жить с этим Ральфом.

– Я не пожалею для этого... – начинает Адам, но я подскакиваю к нему и, шлепнув по губам, закрываю его рот, прищурившись.

– Молчи, – проговариваю буквально одними губами.

Старик хрипло рассмеялся, начав кашлять и хвататься за живот. Подумала, что он уже умирает от какой-нибудь болезни, но в глазах Адама нет беспокойства, значит, это нормальное явление. Он вдруг легко прикусывает мою ладонь, и я отдергиваю ее, как от огня.

И что это сейчас было? А он продолжает стоять и улыбаться. Хочется вмазать по его довольной физиономии, чтобы не была такой счастливой.

– Ладно, мальчик мой, ступай, – говорит Ральф с теплой улыбкой. – Не забывай старика. Если что, ты знаешь, где искать помощи.

Они пожимают руки друг другу. И где Тиша со своим антисептиком, когда она так нужна?

Наконец мы уходим отсюда, и я начинаю чувствовать облегчение, когда нос уже не ловит запах пота и алкоголя. Не удивлюсь, если они и свои нужды справляют неподалеку.

– Если ты таким способом хотел открыть во мне какое-то сострадание, то вообще мимо, – бормочу я, когда мы выходим с этого переулка.

– Да нет, мы просто забрали мой рюкзак, – отвечает Адам. – Ральф хороший мужик, просто судьба у него жесткая. Пообщалась бы с ним, он бы понравился тебе.

– Очень сомневаюсь, – хмыкаю я и вижу в его взгляде нотки разочарования, едва заметные. Ну извините, что я не прекрасная принцесса, которая нравится всем и которая милосердна к любой бедной душе. Видимо, по критериям Мрачного Королевства я не прохожу.

– У него сын обманом квартиру отобрал и на улицу выгнал, – рассказывает Адам. – А он уже старенький, никуда на работу не берут. Вот и живет теперь на улице, но все равно остался очень светлым человеком.

Видимо, он рассказывает мне это, чтобы пристыдить. Да, история неприятная, точнее – жестокая. Как мог родной сын поступить так с отцом? И непонятно, то ли сын с гнильцой, то ли отец довел до такого. Но все равно, есть много работы, где можно хоть какой-то доллар заработать. Но люди выбирают просто плыть по течению и ничего не менять в своей жизни. Страдать, рыдать, морально разлагаться, ненавидеть себя, но так и не двигаться к переменам.

Черт, да это же я.

Резко останавливаюсь, смотря себе под ноги. На душе стало так тяжело от осознания проведенного сравнения. Да, у нас разные ситуации, но суть одна. Более того, у меня куда больше возможностей: я моложе, у меня крепкое здоровье, есть крыша над головой, стабильная работа и близкие люди. А что есть у него? Вонючий матрас и надежда, что кто-то выкинет недоеденный сэндвич.

Адам стоит рядом и молчит, словно дает мне распробовать эту мысль. Какое у него сейчас выражение лица? Наверное, он ощущает какую-то победу или довольствуется тем, что не напрямую поставил меня на место.

Я поднимаю голову, чтобы сказать, что думаю об этом, но так и не произношу ни слова. В его красивых зеленых глазах сквозит печаль и столько невысказанных слов поддержки. Точно, он же чувствует мои яркие эмоции. Интересно, он понял, с чем они связаны? В любом случае он не тот человек, с кем бы я стала это обсуждать.

– Спасибо, урок очень ценный, – тихо говорю я и быстро иду вперед.

– Ирэн, я и не думал... – начинает он, но я взмахиваю рукой, чтобы он не продолжал.

Даже если он и правда не думал так поступать, мне все равно стало не по себе. Есть теперь, что обдумать. И не с ним. С собой. Со своей жизнью. Со своими страхами. И со своими возможностями, которые я так упорно игнорирую.

Мы с Адамом, зашли в супермаркет, чтобы купить продуктов. Раз уж он обещал готовить, то пусть выполняет свою часть. Правда, если у него это будет выходить плохо, придется вернуться к доставкам. Не могу есть невкусную еду – в этом плане я довольно придирчива. Мы ходили по рядам с тележкой и складывали в нее продукты, причем Адам сам выбирал, что купить. Он повар, ему виднее. Я в тележку лишь положила баночки энергетиков и мороженое – такая покупка для меня привычна.

– Ты ведь знаешь, как вредны энергетики? – хмуро спрашивает он, на что я безразлично пожимаю плечами.

– Ты ведь знаешь, как мне пофиг? – отвечаю я, и он недовольно хмыкает, но оставляет остальные комментарии при себе. Правильное решение. Мне хватает маминих лекций о правильном питании – от него такого точно не потеряю.

Мы заезжаем в поворот с заморозкой, но наша тележка сталкивается с той, что оттуда выезжала. Я уже хотела недовольно ворчать, но прикусываю язык, так как тележкой управляла моя новая знакомая, с которой я не рассчитывала когда-либо встретиться.

– Ирэн! – радостно восклицает Рианна, подходя ближе ко мне. Единственное имя с того вечера, что я запомнила, и она, к сожалению, тоже меня помнит. Множество тонких косичек покинуло ее голову, и сейчас ее черные густые волосы были заплетены в две косы.

– Привет. Закупаешься? – неловко задаю я самый тупой вопрос на свете. А что она еще может делать в супермаркете с полной тележкой? Пришла посмотреть?

– Да, – улыбается она. – Ко мне родня должна приехать, вот нужно закупить продуктов. Они вечно как голодный полк. Придется попынтеть на праздничном ужине.

Она довольно мило хихикает. У этой девушки очень приятная энергетика – она мне понравилась еще тогда на вечере, но сидела слишком далеко от меня, поэтому мы с ней практически не общались.

– Так ты на групповом свидании была засланным казачком? – она многозначительно смотрит на Адама, игриво подергивая бровями, от чего я немного смущаюсь и тут же мотаю головой.

– Мы с Ирэн хорошие друзья, – отвечает за меня Адам с этой своей очаровательной улыбкой под названием «я альфа-самец, ты передо мной не устоишь». Но Рианна явно устояла – продолжает одаривать улыбкой меня, а не строить глазки моему «принцу».

– Ирэн, то, что случилось на том вечере... – она замолчала, явно подбирая более аккуратные слова. – Они придурки, не слушай их. Я хотела поговорить с тобой, но ты так быстро ушла. И я не знала, у кого спросить твои контактные данные.

А вот это уже интересно.

– А зачем? – выпадает у меня, и я тут же понимаю, как некрасиво это звучит, будто не хочу ни с кем иметь никаких дальнейших связей. Хотя, наверное, оно так и есть.

– Говорили, что ты очень хорошо рисуешь, и у меня для тебя предложение, – улыбается Рианна, делая шаг ближе и доставая телефон. Я почему-то, наоборот, напрягаюсь. Если она попросит нарисовать ее портрет, я точно откажу. Конечно, у меня хорошо получается рисовать людей, но после трех портретов я забила на это. Люди вечно недовольны правдивым результатом и хотят, чтобы их изъяны не рисовали. Понимаю: если они хотят видеть правду, могут просто посмотреть в зеркало. Но сидеть и выдумывать, как сделать их красивее, – не мое. Так что быстро бросила эту затею.

– Я уже довольно давно пишу фанфики, у меня большая аудитория. И не так давно я задумалась, что хотела бы найти хорошего художника, который будет рисовать арты по моим историям. Собственно, я хотела бы посмотреть на твои рисунки.

Это предложение такое неожиданное, что я растерянно хлопаю глазами и начинаю кусать губы. Это довольно волнительно. Я ведь всегда хотела рисовать для фанфиков, книг и вообще любой современной литературы. Но не находила смелости куда-то выкладывать свои работы. А тут шанс сам идет ко мне в руки, хотя еще не факт, что ей понравится мой стиль.

– Знаешь, я не уверена... – начинаю мямлить, как обычно, желая отвертеться. Трусиха.

– Мне частенько донатят, так что я готова за это платить. Не очень большие деньги, но, как я поняла, ты нигде не публикуешься. Отправишь мне свои рисунки? Если мне понравится твой стиль, я бы хотела с тобой поработать.

Кто бы мог подумать, что тот дурацкий вечер может принести мне полезные знакомства? Да, она еще не выбрала меня, но все равно это звучит как шанс попробовать то, что я всегда хотела. Шаг к исполнению моей мечты, и ведь даже Адам не приложил к этому руку. Тут, скорее, Амелия постаралась. Но раз у Рианны большая аудитория, значит, много людей увидят мои рисунки. Это может быть критика, а может и хейт. А если это повлияет на работы самой Рианны? Не хочу ее подводить. Да и что я о себе возомнила? Я самоучка, в моих рисунках нет ничего необычного. Рисую то и дело своего темного принца и изредка других выдуманных людей. У меня мало опыта, да и к тому же рисую я на бумаге. Планшет тоже так и не решилась покупать – ведь он будет просто лежать и собирать пыль. Нет, нужно отказать. Не хочу никого подводить, ведь я знаю, что не смогу. Не смогу.

– Обменяйтесь контактами, она пришлет тебе свои работы, – вдруг говорит Адам и кивает мне в сторону Рианны, будто это так очевидно.

Я нервно сглатываю – наверное, в моих глазах читается страх, потому что Адам тянет ко мне руку и аккуратно касается рукава толстовки. Я этого не чувствую, ведь он совсем не коснулся моей руки, но все равно ощущаю тепло, исходящее от его ладони. Его поддержку. Мой ранний весенний луч. Да, без Адама я точно никогда не исполню загаданное желание.

– Ты же не против, Ирэн? Если тебе не понравятся мои работы, я тоже без обид приму твой отказ, – немного обеспокоенно говорит Рианна.

Почему она так переживает, еще даже не видя моего уровня? Сама же потом пожалеет, что потратила на меня время.

– Нет, не против. Скажи, куда я смогу тебе прислать рисунки, – говорю я, и это первый маленький шаг, который я делаю благодаря Адаму. Да и не только ему. Амелия, которая подталкивает меня к новым знакомствам. Рианна, поверившая в человека, которого едва знает. Мне приятно, что меня окружают такие люди. Если вместе с ними я делаю этот шаг, то и все остальные смогу.

Спасибо вам.

Глава 12.

Я делаю глоток кофе, который сварил мне Адам. Он говорит, что так лучше, чем энергетики. Конечно, я с ним не согласна, но сегодня пошла на уступку – ведь он испек потрясающие блинчики на завтрак. Это первое, что он приготовил, а я уже готова целовать его руки и никуда не отпускать. К тому же на кухне такая чистота, какой уже не было очень давно. Хозяйственные мужчины потрясающие.

Смотрю на него через плечо и мягко улыбаюсь, видя его таким задумчивым в моем кресле над книгой. Он откопал на моих полках "Цветы для Элджернона" Дэниела Киза и неотрывно читает уже два часа, пока я занимаюсь работой. Сегодня мне надо подготовить кучу отчетов для планерки, хотя с радостью и сама расслабилась бы за чтением. Но у меня все равно хорошее настроение: продажи сегодня хорошие, я выпалась, вкусно позавтракала, на улице прекрасная погода, и на моем кресле сейчас читает самый сексуальный мужчина из всех, что я встречала.

Вчера, вернувшись домой, я сразу отправила свои рисунки Рианне, но ответа все еще не получила. Знаю, ей нужно время, или возможно она выбирает между разными художниками. Стараюсь себя не накручивать и думать о чем угодно, кроме этого.

– Сегодня нужно будет забрать твои очки, – вдруг заговорил мой новый сожитель, не отрываясь от книги.

Я тихо вздыхаю и на автомате поправляю очки, которые сейчас выступают временным решением проблемы.

– Может, хочешь сам сходить?

– Эй, не ленись, – отвечает он, даже не поднимая глаз от страницы.

Я немного надуваюсь – не хочу никуда идти. Но это нужно мне, и я так могу долго откладывать. Допив кофе, откидываюсь на спинку стула, смотря на сделанную презентацию с показателями моей команды. Хочу в отпуск. Зарыться в книги, посмотреть какой-нибудь сериал, что угодно, лишь бы не работать и отдохнуть от людей. И неважно, что я коммуницирую с ними дистанционно – даже это заставляет меня морально выгорать.

Слышу, как Адам поднимается и подходит ко мне со спины. Я приподнимаю голову, чтобы посмотреть на него, и он немного склоняется, улыбаясь, а затем забирает пустую кружку с моего стола. Он даже здесь стал следить за порядком – ведь я так люблю наставлять кучу кружек на столе.

– Я бы потом убрала, – бормочу я, хотя знаю, что это вранье.

– Не убрала бы, – усмехается он и идет на кухню.

Да, не убрала бы. Просто не сегодня и, может быть, даже не завтра. Вот кончились бы все кружки, тогда бы и прибралась. Еще один плюс энергетиков – банку можно просто выбросить и не думать о мытье посуды.

Совещание через полчаса, я успела все подготовить, а значит, могу немного побездельничать. Но этого времени не хватит, чтобы нормально во что-то поиграть, и для чтения тоже недостаточно. Поднявшись с кресла, я тянусь и слышу, как у меня хрустит спина. Неприятный звук.

– Может, размять тебя? – предлагает Адам, заходя в комнату. Не вижу себя со стороны, но уверена, что устала на него волком:

– Еще что предложишь?

– Не знаю, о чем подумал твой книжный мозг, но я о музыкальной разминке, – говорит он так, словно я самая главная извращенка на этой планете, а он – невинный парень.

Тихо хмыкнув, я пожимаю плечами – не особо понимаю, что он мне тут предлагает.

– Включим музыку и просто подвигаемся под нее. Твоим костям не хватает активности, – объясняет он, и я закатываю глаза.

– Моим костям не хватает покоя и умиротворения. Не собираюсь я танцевать, – говорю я, хотя его идея мне совсем не нравится. Во-первых, потому что я уже давно не танцевала, во-вторых, потому что он это увидит. Думаю, зрелище будет чудовищным.

Но Адам совсем не слушает меня – достает свой телефон и включает радио. Я не знаю песню, которая там играет, но мотив как раз довольно танцевальный. Он кладет телефон на столик, а сам двигает бровями и начинает двигаться. Я бы могла сказать, что мне повезло, но нет. Он двигается нелепо, словно дитя, которое пытается показать лучшие па, а еще насмешить своих родителей.

– Ты клоун. Знал об этом? – немного хмуро говорю я, скрешивая руки под грудью. Защитная позиция, максимально показывающая, что я не собираюсь в этом участвовать.

– Я не приму это за констатацию факта! – пафосно заявляет он и, покрутившись вокруг своей оси, смотрит на меня с невинной улыбкой, покоряя своими ямочками.

Закатываю глаза и делаю шаг назад, замотав головой:

– Адам, это глупо.

– А вот и нет, – отвечает он. – Танцы – один из лучших способов получить физическую активность в домашних условиях, а самое главное – он самый приятный. Зачем ты переживаешь о том, глупо это или нет, если тебя никто не увидит, кроме меня? А я делаю то же самое.

Он словно хип-хопер подходит ко мне и протягивает руку. Смотрю на нее скептически, не планируя прогнуться. Но на радио включается одна из моих любимых песен Imagine Dragons, и на лице Адама буквально написано, что он знает о моей любви к Enemy.

Ощущение, что этот чертов засранец может своими чудесами даже радио управлять.

– Ладно, только эту песню, – ворчу я и делаю шаг вперед, игнорируя его руку. Не представляю, как просто взять и начать танцевать. Но в детстве я любила это дело. Иногда мы танцевали вместе с мамой, а потом с Соней, когда она могла стоять на своих ногах. Даже не представляю, в какой момент жизни все это ушло.

Адам вдруг начинает петь, и получается у него это куда лучше, чем танцевать. Не буду сдерживаться – ведь кроме него меня никто не увидит. А он за все время еще ни разу не осудил меня, хотя поводов было предостаточно.

Тихо смеюсь, а затем начинаю подпевать ему. Сначала неуверенно, а потом во все горло, подарив соседям нежеланный концерт среди бела дня. А затем начинаю двигаться, как умею – соответственно, не менее нелепо, чем мой "принц".

– "Oh, the misery, everybody wants to be my enemy!" – верещим мы с ним во все горло, прыгаем, изображаем гитару, барабаны. Давно мне не было так весело. Песни сменяются одна за другой, и каждую я знаю, могу подпевать и танцевать как безумная.

Чувствую, как щеки краснеют, дыхание сбилось, а челка немного липнет к взмокшему лбу, но мне так плевать. Глаза Адама так сияют – вижу, что ему тоже весело. Ну как я могу прервать такое времяпрепровождение с ним? Он изображает из себя рок-музыканта, а я заливисто смеюсь, с трудом дыша. Это нужно было снимать на камеру, но теперь навсегда останется воспоминанием в моей голове. Соня бы точно оценила наш концерт.

Но не оценила работа. Мой телефон зазвонил, и я немного растерялась – не ждала звонков. А потом понимаю: совещание уже началось, но я совсем про него позабыла.

– Черт, – бормочу я, выключая музыку на телефоне Адама, и быстро сажусь за стол, надевая наушники и подключаюсь к конференции. Видок у меня, конечно, тот еще, но зато мне с легкостью верят в случившийся форс-мажор.

Пока отчитываются другие, я стараюсь привести дыхание в порядок. Рядом со мной ставят чашку с ароматным чаем, и, подняв голову, я мягко улыбаюсь и одними губами говорю: "Спасибо". Не знаю, понял ли он, что это не только за чай, но Адам просто подмигивает мне и идет в кресло, чтобы продолжить чтение.

Надеюсь это наша не последняя танцевальная вечеринка.

Наконец-то рабочий день подошел к концу. Не скажу, что он был сегодня особенно сложным, но мне уже не терпится отведать ужин, что готовит Адам. С кухни доносятся потрясающие ароматы и мой желудок уже требует все съесть. Как быстро привыкаешь к хорошему.

Поднявшись с кресла, я поправляю футболку и отправляюсь на кухню, где у плиты стоит Адам.

– Ты уже закончила? Я тоже скоро все, сейчас будем ужинать, – говорит он, и я чувствую себя мужчиной-добытчиком, который вернулся с работы, а его прекрасная "женушка" порхает по кухне, чтобы порадовать своего возлюбленного. Хотя в наше время нормальная ситуация, когда женщина работает, а мужчина занимается домом. Но Адам собирался и дальше подрабатывать – ему не мешают свои деньги. Вещи нам принесла Амелия, но, думаю, иметь что-то свое ему хочется больше.

– Пахнет обалденно, – говорю я с улыбкой и сажусь за стол. Может, стоило помочь ему накрыть на стол, но мне приятно, что за мной наконец поухаживают. Когда такое было? Мама не в счет.

– Решил приготовить карри. Надеюсь, ты не против острого, – говорит он, и я киваю.

– Если только в меру.

– В меру, – отвечает он, и я задумываюсь: зачем он спрашивал, если точно знал, что я не люблю сильно острое? Хотя, может, это мне кажется, что он знает все. Я подпираю щеку ладонью и смотрю на его спину. Он в плечах точно шире папы, да и роста в нем куда больше. Так ловко орудует ножом и сковородкой, будто всю свою жизнь готовил, а не появился в нашем мире неделю назад. Приятно смотреть, как другие работают. А если это красивый мужчина, готовящий мне ужин, то вдвойне.

– Надеюсь, в моей спине не появилось две дырки, – язвительно говорит он, и я быстро отвожу взгляд в окно, тихо фыркнув. Сердце начало биться немного быстрее, словно меня поймали на месте преступления. Ну подумаешь, смотрела – вдруг он решит меня отравить, а я контролирую.

– Не понимаю, о чем ты, – хмыкаю я максимально равнодушно. Но слышу его усмешку и понимаю: он меня легко раскусил. Да как ему это удастся?

Он подходит к столу с двумя тарелками, на которых уже красовался его кулинарный шедевр. Затем кладет ложки и два стакана с соком. Да, это однозначно лучше доставки.

– Надеюсь, это будет не хуже завтрака, – говорю я, и почему-то звучит это как-то... злобно. Видимо, это защитная реакция, которую я пока не могу контролировать.

Беру ложку и пробую еду. Боже. Адам был создан для готовки.

– Это безумно вкусно. Еще немного, и я могу заставить тебя жениться на мне, – говорю я, прожевывая, прежде чем подумать. Неловкая вышла фраза, но я же это не серьезно. Надо лучше подчеркнуть, что это шутка, но он легко улыбается.

– Готов пойти расписаться хоть сейчас, – отвечает он, – но у меня нет документов.

– Точно, ты же у нас без определенного места жительства, – протягиваю я, вновь зачерпнув еду, а сама думаю, как бы сердце окончательно не подвело. Видимо, у меня тахикардия или что-то в этом роде, когда сердцебиение сбивается. Знаю, что Адам просто поддержал мою шутку, но его слова прозвучали так искренне. Хороший актер.

Дальше мы едим в тишине, но никакой неловкости не было – по крайней мере, для Адама. Я немного извелась. Правильно ли, что я подобрала парня с улицы и заставляю его готовить? Он же должен как-то оплачивать свое проживание, так что, думаю, это справедливо.

Мы доели практически одновременно, я немного раньше. Встаю, чтобы собрать всю посуду и помыть. Обычно за мной такой прыти не заметить, но сейчас захотелось сделать хоть какой-то вклад.

– Не надо, я сам, – говорит он мягко, перехватывая у меня посуду. Ну кто еще со мной побьется за мытье посуды? Конечно, Адам.

– Хочу тоже что-то сделать. Ты приготовил вкусный ужин, а я помою посуду, – настаиваю я.

Раздается звонок в дверь, и я удивленно смотрю на входную дверь – ведь никого не ждала.

– Лучше открой дверь, может, твои подруги решили зайти, – говорит Адам и включает воду, начав мыть посуду.

Я оставляю его и направляюсь к двери. В обычный день я, скорее всего, притворилась бы, что дома никого нет, и если это девочки, они бы позвонили на телефон. Но все-таки открываю дверь и вижу мужчину с посылкой.

– Ирина Романова? – спрашивает он грубым голосом, на что я молча киваю.

Он передает мне коробку, а затем лист для подписи. Странно, я ничего не заказывала, а Соня не говорила, что уже отправила книги. Хотя, может, она забыла сказать. Ставлю подпись и уношу коробку в комнату. Вода еще шумит, значит, Адам занят.

Читаю на коробке имя отправителя и чуть не падаю: Юдин Алексей. Что это может быть?

Я так пристально смотрю на коробку, будто если открою ее, то она взорвется или просто исчезнет.

– Откроешь ее? – спрашивает за спиной Адам, и я вздрагиваю. Слышала, как он мыл посуду, но так погрузилась в мысли о том, что там может быть, что не услышала, как он закончил.

Я неуверенно пожимаю плечами, но не могу объяснить свое сомнение. Все-таки беру канцелярский нож и открываю коробку. Даже ладони вспотели от переживания. Адам меня не торопит, но все же нужно узнать, что там.

Я аккуратно открываю коробку, выбрасываю весь мусор, предназначенный для сохранности посылки, и тихо ахаю. Новенький планшет для рисования – тот самый, который мы с Лехой вместе выбирали. Я тогда сказала, что куплю его с какой-нибудь зарплатой, но, конечно же, так и не решилась. А Леха словно знал, что я так и не куплю.

К коробке от планшета приклеен стикер с надписью "От всех". От кого – от всех? Я немного озадачилась и решаю спросить у него позже, но вижу, что в коробке есть еще что-то. И от этого чуть не забываю, как правильно дышать. В глазах заблестели слезы, но я быстро стираю их, чтобы Адам не заметил.

Небольшой холст и масляные краски. Что необычного в этом подарке? Года два назад мы обсуждали с Лехой, что я хотела бы попробовать рисовать красками – просто было любопытно, получится ли у меня. Но, как и любую идею, я не стала ее реализовывать. Но Леха решил иначе. На коробке с красками тоже был стикер: "От меня".

Мне так хотелось позвонить Лехе, отблагодарить его. Наверное, это подарки на день рождения, и планшет – от всех наших ребят. Меня переполняет такое тепло, и хочется им с кем-нибудь поделиться.

Я подрываюсь к компьютеру, надеваю наушники и нервно клацаю мышкой, чтобы открыть Discord. Леха с парнями сидят в нашем канале, наверное, играют. Правильно было бы зайти и поблагодарить всех, но я все еще не уверена, кто эти "все". К тому же я пока хочу услышать только Леху. Поэтому делаю звонок ему в личку, надеясь, что он ответит.

Проходит не больше пяти секунд, как я слышу его:

– Ирина, какая встреча.

– Я получила посылку, – тут же выпаливаю я и не узнаю свой голос – он звучит так мягко и нежно, словно я превратилась в принцессу Диснея.

Леха тихо усмехается, но не спешит давать комментарии.

– Мы с пацанами решили скинуться на планшет для тебя – ты ведь давно хотела. Но, зная тебя, хрен купишь. Так что только попробуй на нем не рисовать, – говорит он, и я чувствую, как внутри все сжимается от благодарности.

Мне кажется, что сегодня один из лучших дней в этом году. Столько положительных эмоций – от улыбки на лице меня скоро разорвет. Я нервно поправляю очки и кусаю губы. Леха часто пытается казаться грубым и крутым, но на самом деле он очень внимательный и заботливый. Этим он мне так нравится.

– Спасибо, мне безумно понравился подарок. И краски тоже, Лех, – говорю я, и голос дрожит от волнения.

– Ну, это небольшой бонус от меня, – отвечает он. – Но я требую, чтобы на этом холсте ты нарисовала меня.

Тихо хмыкает, а я распахиваю глаза, словно он может увидеть мое искреннее удивление. Немного поерзала на кресле, подбирая грамотный ответ.

– Как я тебя нарисую, если я не знаю, как ты выглядишь? – логичный вопрос. Конечно, он может сказать: "Нарисуй меня так, как ты видишь", но это как-то странно. Да и словно что-то слишком личное. Не люблю, когда мне лезут в душу.

Леха молчит. Как-то слишком долго молчит. Я даже подумала, что у меня что-то с интернетом, поэтому связь пропала. Но его молчание прерывается тем, что он скидывает мне какой-то файл.

– Теперь знаешь, – разрывает он тишину, пока я открываю файл.

– Пойду к ребятам, мы играем в доту. Захочешь – тоже подкатывай. До встречи, – говорит он и отключается.

А я замерла, словно на меня посмотрела Медуза Горгона. Он прислал мне свою фотографию, причем явно сфотографировался в этот момент, поэтому так долго молчал.

– Ирэн, все нормально? – слышу я позади голос Адама, про которого совсем забыла. А сама пытаюсь вспомнить, как правильно дышать.

Леха. Присла. Мне. Свою. Фотографию. И он очень красивый.

Глава 13.

Я смотрю на фотографию Лехи и не могу отвести взгляд. Светло-русые волосы, явно излишне отросли – челка с левой стороны лезет в глаз, а на голове легкий беспорядок. Зеленые глаза немного светлее, чем у Адама, но будто ничего не выражают. Если в глазах Адама тепло и искорки, то в глазах Лехи – хладнокровное спокойствие. Из рта торчит палочка от чупа-чупса. Левое ухо проколото двумя черными кольцами – если точнее, проколот хрящ, это называется хеликс. Немного разобралась в этом вопросе, когда и сама хотела проколоть, но так и не решилась.

Леху видно только по плечи, и его тело скрывает черная футболка, поэтому понять телосложение сложно, но шея выглядит тонкой. Он всегда говорил, что ест много и не толстеет, а я всегда завидовала. Наверное, я уже долго пялюсь на фотографию, но не могу перестать. Думаю, он оправдал все мои ожидания – и даже больше. Он выглядит младше своего возраста, как и говорил.

– Думаю, он ждет, что ты тоже пришлешь свою фотографию, – раздается голос у меня над ухом, отчего я вздрагиваю и быстро оборачиваюсь. Адам нагнулся ко мне, и его лицо было так близко. Не люблю, когда он так делает, поэтому кладу ладонь на его лицо и отодвигаю от себя, недовольно фыркнув. Снимаю наушники и одариваю Адама максимально скептическим взглядом, на который только способна:

– С чего ты взял, что ему нужна моя фотка?

– Если человек раскрывается перед тобой, чаще всего он ждет в ответ то же самое, – говорит он. – Не попросил, потому что не хотел давить.

– Он знает, что я не отправлю, – отвечаю я. – Он предлагал несколько раз обменяться, я отказывалась. А тут он захотел, чтобы я нарисовала его портрет.

– Ооо, – протянул Адам с ехидной улыбочкой, отчего я невольно засмушалась, будто мы обсуждаем что-то пошлое.

– Что это еще за "ооо"? – недовольно спрашиваю я, и Адам одаривает меня смешком, хватается руками за подлокотники и разворачивает к себе кресло со мной. Думаю двинуть ему ногой за такую вольность, но все же сдерживаюсь.

– Парнишка понял, что ты крепость, которую сложно захватить, но не сдастся, – говорит Адам, немного наклоняясь ко мне. Я вжимаюсь в кресло, будто боюсь, что он заразный. Мне не нужно отвечать на этот вопрос – ведь на моем лице все написано. Конечно, Адам здесь, чтобы помочь мне стать счастливой, но я не думала, что романтические дела тоже входят в этот список.

– У меня нет нормальных фотографий, – выдавливаю я из себя, зная, что он скажет дальше.

Адам берет мой телефон со стола и крутит в руках, довольно улыбаясь:

– Давай сделаем.

Да, именно этого предложения я и ожидала. Не могу сдержать разочарованный вздох и отвожу взгляд в сторону. Если бы здесь была Амелия, она бы смогла привести меня в относительный порядок, но сама я на такое не способна.

– Я не в лучшей своей форме, не хочу пугать его лишний раз, – говорю я, чувствуя, как внутри все сжимается от неловкости.

Адам закатывает глаза и аккуратно берет меня за подбородок, разворачивая к себе и приподнимая мое лицо. Я нервно сглатываю, чувствуя, как мои ладони потеют.

– Ирэн, ты в прекрасной домашней форме, – говорит он. – Посмотри на его фотку: он же сфоткался в моменте. Нечесанный, заспанный, во рту еще конфету держит. Твоя фотка будет круче, я помогу тебе.

Я молчу, чувствуя напряжение, но продолжаю смотреть на Адама. Внутри я знаю, что должна его слушать, если хочу достичь своей цели. Но не это.

– Отпусти меня, пожалуйста, – мой голос звучит тихо. Адам может подумать, что напугал меня, но на самом деле я просто не хочу, чтобы меня кто-либо касался. Наверное, он подумал, что мое лицо огромное, а нависшие веки делают его более обрюзгим.

– Прости, – кратко отвечает он и убирает руку, выпрямляясь. Повисает неловкое молчание, и я вновь отвожу взгляд, потому что не могу на него смотреть. Мне слишком неловко. Адам чересчур верит в меня – вот бы мне хотя бы пять процентов его веры.

Судорожно выдыхаю и тру пальцами лоб, будто так проще решить ситуацию. Мне нужно просто сказать "нет", к тому же Леха ничего не просил. Но я также понимаю, что он ожидает ответного жеста.

– Ладно, давай попробуем, – неохотно соглашаюсь на его предложение, и Адам словно расцветает. Как легко порадовать человека, который видит смысл жизни лишь в исполнении моего желания. На самом деле это немного грустно – я бы хотела, чтобы у Адама были и свои желания. Но, видимо, в этом "заводе чудес" их программируют на счастье заказчика.

– Сделаем несколько фотографий с разных ракурсов, выберешь ту, что больше понравится, – говорит Адам, настроенный слишком оптимистично. Я же думаю, что после фотографии Леха точно никогда на меня не взглянет.

Встаю с кресла и, выходя в коридор, подхожу к зеркалу. Конечно, вид у меня не так плох, но Лехе хотелось бы показать лучшее, на что я способна. Беру расческу и активно расчесываю волосы, отчего они завиваются еще больше. Дурацкие волосы – хотела бы, чтобы они были прямыми. Говорят, это мировой баг девушек: те, у кого вьющиеся, хотят прямые, а те, у кого прямые, – вьющиеся. Меня это тоже не обошло стороной.

Приведя волосы в относительный порядок, поправляю очки и футболку. Да уж, лучше не стало. Вновь издаю разочарованный вздох и возвращаюсь в комнату, плюхаясь обратно в кресло.

– Он отправил естественную фотографию, значит, и моя должна быть такой же. Не хочу, чтобы он подумал, будто я старалась, – говорю я, пытаюсь убедить себя, что это правильный подход.

– Разумеется, ты же совсем не стараешься сделать хорошую фотку, – язвительно подмечает Адам и поднимает телефон. Я улыбаюсь, но ловлю себя на мысли, что никогда не тренировала улыбку для фотографий. А как я вообще выгляжу, когда улыбаюсь? Наверное, стоило попробовать перед зеркалом, но Адам уже начинает делать снимки.

Стараюсь улыбнуться по-разному, но при этом не показываю зубов – они у меня ровные, но широкая улыбка, наверное, мне не подойдет. Иногда склоняю голову набок и частенько поправляю очки, так как с каждым щелчком нервничаю все больше.

– Ладно, мы уже кучу фоток сделали. Дай посмотрю, – ворчливо произношу я и отбираю у него телефон, быстро перелистывая снимки. Какая же у меня тупая улыбка и огромные щеки. Может, закрывать их волосами? На некоторых фотках свет от лампы бликует в очках, я выгляжу напряженной, а подбородок слишком заметен. И эти ужасные нависающие веки! На некоторых снимках у меня глаза разного размера.

– Они все ужасные. Давай еще раз, – чувствую, как начинаю раздражаться, но не даю эмоциям взять верх. Удаляю все фотографии и возвращаю Адаму телефон. Чувствую, что и он немного напряжен – наверное, злится, что заставляю его перешелкивать, но он же сам вызвался помочь.

– Попробуй улыбнуться открытой улыбкой, ты очень напряжена, – мягко говорит он. Сейчас меня раздражает даже такой адекватный совет. Немного поерзав на кресле, стараюсь улыбнуться самой очаровательной улыбкой из своего скудного арсенала, и Адам делает еще несколько снимков.

Он улыбается – значит, это хороший знак, и все-таки мне будет что отправить Лехе. Я нетерпеливо перехватываю телефон и начинаю листать новые фотографии, но с трудом подавляю стон. Фотки стали будто еще хуже. Открыто улыбаться? Да я будто хочу кого-то сожрать! Молодежь прозвала бы меня боссом KFC.

Мои пальцы начинают дрожать, когда понимаю, что пролистнула все фотографии, и они все ужасные. Когда на небесах раздавали фотогеничность, я, видимо, спала.

– Это ужасно. Отвратительные фотографии! – восклицаю я, бросая телефон на стол. Чувствую, как внутри все сжимается. Почему у меня ничего не получается? Почему я не могу сделать хотя бы одну нормальную фотографию?

– Ты преувеличиваешь, мне кажется, они вышли довольно милыми, – говорит Адам, но я впериваю в него гневный взгляд и поднимаюсь, легко пихая его в грудь, чтобы он освободил мне пространство.

– Милыми?! – восклицаю я. – Из нас двоих очки ношу я, но почему-то ты называешь эти убогие фотки милыми!

– Красота в глазах смотрящего, – спокойно и серьезно отвечает он, словно не пытается меня утешить, а действительно так думает. Но я в это не верю. Мир привык жалеть убогих. Я вскидываю руками, нервно хохотнув:

– Опять чья-то цитатка? Поставь ее себе в статус или затирай кому-нибудь другому. Хватит меня утешать – это с самого начала была хреновая идея. Леха не просил фотку, так что ни к чему ее ему скидывать.

– Ирэн, перестань, – говорит он, смотря мне в глаза. – Зачем ты так с собой?

Я закусываю губу и уже нервно смеюсь, отворачиваясь от него. Наверное, он подумал, что я еще и с головой не дружу, но мне плевать. Мне уже очень давно плевать, кто и что обо мне думает. Если я буду привязана к чужому мнению, я точно сойду с ума.

– Я в ванну, – бросаю я хрипло и спешно ухожу от него, закрывшись в ванной.

Упираюсь лбом в холодную дверь и прикрываю глаза. Чувствую, что сейчас расплачусь. Как же я разочарована в себе. Я видела много красивых, потрясающих девушек больших форм – они роскошно подают себя, могут подобрать красивый лук и выглядеть круче многих худышек. Но я не могу ничего из этого. У меня нет вкуса, ужасные формы, некрасивые волосы, ущербные черты лица и, видимо, вагон ментальных проблем.

Оторвавшись от двери, включаю кран, чтобы Адам не подумал, будто я ушла в ванну поплакать. Разблокирую телефон – мне надо отвлечься, а лучше всего в этом помогут девочки. Открываю наш чат и, тихо выдохнув, быстро набираю сообщение.

Ирэн: Не хотите поболтать? Что-то мне сегодня скучно.

Проходит буквально минута, как первой отвечает Амелия.

Амелия: Ухожу на работу

Ну конечно, наступает вечер, и просыпается эскорт. Ладно, тогда все надежды на Тишу. Но проходит минута, две, пять, десять – и ответа от нее нет. Может, попробовать позвонить ей? Не исключено, что сейчас у нее фотосессия, и поэтому она не видит сообщений, но вдруг она просто выключила звук.

Я начинаю звонить ей, но не успеваю пройти даже гудка, как она сбрасывает. Значит, телефон у нее в руке. И она сознательно игнорирует меня.

Тиша: Простиии, чищу брекеты после резинового стейка.

Может я эгоистка, но сейчас, когда мне так нужна подруга, мне так обидно, что она отмахивается от меня из-за дурацких брекетов.

Тиша: У тебя все в порядке?

Но она все равно переживает, в этом вся Тиша. Нет, я не должна обижаться на нее. Уверена, если бы я сказала, что сейчас подавлена, они бы обе примчались ко мне.

Ирэн: Нет, все хорошо. Уже нашла чем заняться.

Я кладу телефон на крышку унитаза и смотрю на себя в зеркало. Не могу смотреть на это лицо долго. Это нормально, что я его так ненавижу? Я ведь должна взять себя в руки, изменить то, что мне так не нравится, но у меня совсем нет воли.

Снимаю очки – так куда лучше, так я просто размытое огромное пятно. Чувствую, как по щекам текут слезы, но не даю себе всхлипнуть или издать хоть какой-то звук. Адам точно сразу прискочит, но ведь он и так чувствует, что у меня на душе. Мне нужно остановиться, но не могу. Чем больше я стараюсь, тем сильнее начинаю плакать. Эта плотина прорывается, несмотря на то, что я старательно закладываю ее бревнами.

Это злит меня – эмоции скачут с одной на другую. Замахиваюсь на зеркало рукой, потому что мне хочется что-то сломать, но останавливаюсь. Моя голова еще достаточно соображает, чтобы понимать: это будет больно, придется покупать новое зеркало, и легче мне вряд ли станет.

Сажусь на корточки и просто закрываю лицо, чтобы заглушить свои рыдания. Мне больно. Больно от того, что я безвольная тряпка. У меня хватает сил на ненависть, хватает сил на страдания, но не хватает сил на то, чтобы взять себя в руки.

А зачем? Что это изменит? Иногда я думаю, что нахожусь в том возрасте, когда уже поздно что-то менять. Опять же, понимаю, что это глупо. Но почему-то не могу заставить себя поверить в это.

Видимо, у меня и правда проблемы с башкой.

Читаю уже вторую книгу цикла "Жажда", но сейчас чтение совсем не идет. Замечаю, что прочитала страницу, но совсем не понимаю, что именно, потому что думаю о другом. После горячей ванны я смогла успокоиться и отпустить мысли, а когда вышла, Адам ничего не сказал – просто пошел сам принять душ. Видимо, он не намерен лезть ко мне в такие моменты, за что я ему благодарна. Не думаю, что мне нужны утешения – лучше бы просто отвлек.

Иногда я вообще думаю, что не имею права на эти страдания. Ведь у меня есть руки и ноги, нет проблем со здоровьем, я могу все изменить – просто не хочу ничего для этого делать. Есть люди в куда худшем положении, но они борются и не ноют, сидя на полу в ванной.

Слышу, как Адам выключил воду – значит, он скоро выйдет. Стараюсь вновь сосредоточиться на книге, но так ничего и не выходит. Не откладываю ее, ведь так легче всего будет избежать какого-то разговора с "принцем".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.